

Д.А. ЖУКОВ

ГОРОД ЗА КРАСИВЫМ ПОВОРОТОМ

660-летию
первого письменного
упоминания Боровска
в 1358 году

The background of the cover is a soft watercolor wash in shades of blue, purple, and yellow. In the upper left corner, there is a faint, stylized silhouette of a church with multiple domes and spires.

Д.А. ЖУКОВ

*город
за Красивым
поворотом*

две новеллы о Боровске

МОСКВА • 2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж86

*Выражаем сердечную благодарность
администрации Боровского района
и его главе
Николаю Александровичу Калининцеву
за постоянное внимание к работе Культурного центра
имени Д.А. Жукова и участие
в выпуске настоящего издания*

По заказу АНО «Культурно-исторический центр
«Боровский край»

Руководитель проекта
В.А. Кобзарь

художник
Вячеслав Черников

На задней обложке: святая преподобномученица и исповедница Феодора (в миру боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова, урождённая Соковнина). Иконописец В.А. Кобзарь

Жуков Д.А.

Ж86 Город за Красивым поворотом: Две новеллы /
— Москва, 2018. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-8493-0419-9

В книгу замечательного русского писателя и переводчика Дмитрия Жукова вошли две его исторические новеллы «Из „Боровских былей“», посвященные русской истории и культуре, судьбам памятников и борьбе за их сохранение.

Книга предназначена историкам, краеведам, учителям истории средней общеобразовательной школы и всем, интересующимся историей России.

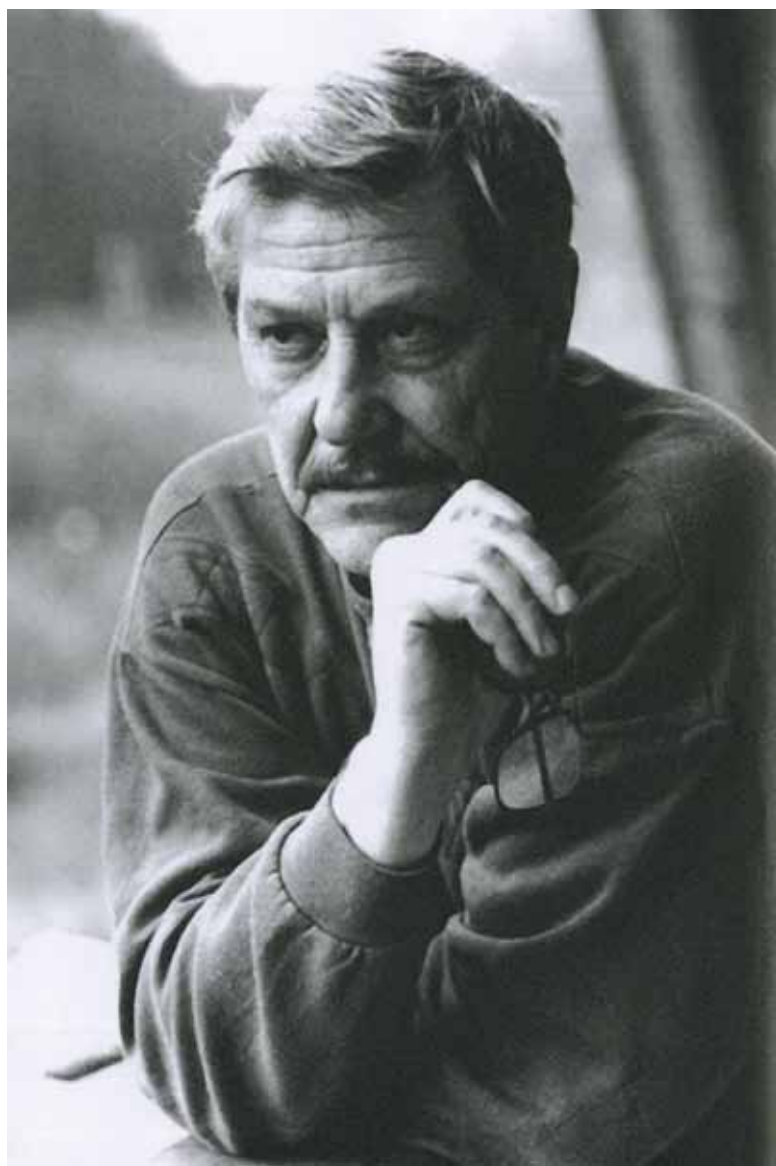
УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-8493-0419-9

© Д.А. Жуков, наследники, текст, 2018 г.
© В.А. Черников, иллюстрации, дизайн, верстка, 2018 г.
© АНО КИЦ «Боровский край», 2018 г.

Величие народа покоится
на его прошлом, и давнем,
и недавнем. Отняли это
прошлое, и останется просто
громкая пестрая толпа,
неспособная строить
свою будущность.

Д.А. Жуков

ОТЕЧЕСТВА РЕВНИТЕЛЬ

Дмитрий Анатольевич Жуков, писатель, общественный деятель, ученый... Он, как и многие его сверстники, уходит в 1944 году добровольцем на фронт... После войны учится в Киевском военном училище связи и Военном институте иностранных языков, служит за границей...

Чтобы понять, почувствовать масштаб личности Дмитрия Анатольевича Жукова, сегодня будет не лишним процитировать слова его, увы, тоже покойного товарища Олега Михайлова: «Еще служа в армии, Дмитрий Жуков занялся переводом зарубежной художественной литературы. В 1956 году опубликовал в «Роман-газете» (№ 4-5) роман известного писателя, впоследствии президента Югославии, Добрицы Чосича, а также многие произведения сербских классиков. Участвовал в создании первой электронной машины-переводчика с английского на русский: его логические схемы действуют по сей день в компьютерных программах. После увольнения из армии Жуков написал несколько научно-художественных книг о своей работе. В результате журнальной полемики вокруг этих книг («Новый мир», «Молодая гвардия», «Московский комсомолец») Жуков вошел в круг сотрудников ИМЛИ В. Кожина, П. Палиевского и других, патриотов и противников структурализма.

По окончании Высших сценарных курсов Жуков публикует десятки статей, очерков, рассказов в периодической печати. Наибольший успех имели сентиментальный рассказ «Растут ли яблоки на берегах?» и книга «В опасной зоне. Хроники атомного века» (1965). Жуков переводит английскую, американскую, сербскую классику и современную литературу... С ростом национального самосознания Жукова все

больше захватывает борьба против разрушительных тенденций в отношении русской культуры со стороны лиц, захвативших видные посты в партийном аппарате. Жуков принимает активное участие в создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, во второй половине 60-х становится членом его правления и вместе с писателями, журналистами, историками, художниками организует при нем «вторники», что называют часто в мемуарах «Русским клубом».

Расцвет творчества Жукова падает на 70-е годы прошлого столетия. В серии «Жизнь в искусстве» выходит первый большой труд о замечательном сербском драматурге Брониславе Нушиче (1972).

Одновременно Жуков работает над биографической повестью о трагической судьбе протопопа Аввакума, религиозного бунтаря и автора своего «Жития», написанного «природным» языком первого русского реалистического романа. В повести отражено взрывное превращение Московской Руси в могучее государство, распространившееся до берегов Тихого океана под влиянием национальной идеи «Москва - Третий Рим», опровергнуто ходячее представление о том, что русские были лишь покорным стадом, приведены доказательства высокой грамотности городского и даже сельского населения, повсеместно участвовавшего в диспутах во времена церковного раскола. Жуков проделал весь путь в Сибири и на Севере по следам мученических странствий Аввакума, который ни разу не изменил своим убеждениям, несмотря на все гонения и даже пытки, «до самых до смерти» на костре. Повесть была набрана в «ЖЗЛ» в 1972 году, а потом рассыпана из-за появления статьи заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС А. Яковлева «Об антиисторизме». Будущий «великий демократ» исчислял историю России от октябрьского переворота 1917-го. Через год повесть была «спрятана» в сборнике «Русские писатели XIX века» и благожелательно воспринята читателями и критиками. Созданный тогда же совместно с режиссером Б. Карповым полнометражный документальный антиссионистский фильм «Тайное и явное» был запрещен.

В последующие годы одно за другим на страницах печати и в сборниках появляются повествования Жукова о художнике Верещагине и генерале Скобелеве, Л. Толстом и Грибоедове, борце Поддубном (1973), рассказы, очерки, почти все отмеченные в журналах как лучшие произведения года, а также медалью «Золотое перо».

Повесть «Владимир Иванович» об ученом-археографе Малышеве, посвятившем жизнь бескорыстному служению делу поисков и сохранения нашего духовного богатства - древних рукописей, была опубликована в «Новом мире» (1978) и «Роман-газете» (1981). В ней причудливо переплетаются события русской истории с перипетиями современной жизни. Она составила вместе с повестью об Аввакуме диологию «Огнепальный», общий тираж которой с переводами на другие языки превысил 4 миллиона экземпляров.

Отталкиваясь от авакумовского «Жития», Жуков стремился придать диологии тот же эмоциональный накал, пользуясь живописным, идущим от грубовато-яркого просторечия слогом. Жуков пишет не исторические биографии и не романы в традиционном понимании, а нечто новое - жанр, вобравший в себя достоинства художественной прозы, но твердо опирающийся на факты. В книге «Козьма Прутков и его друзья» (1976) столько выдумки, неистощимой фантазии, явного и скрытого пародирования, что это скорее юмористический роман-мистификация, где вымышленный персонаж - Козьма Прутков - беседует, спорит, путешествует со своими создателями: братьями Жемчужниковыми и А. К. Толстым.

Перо Жукова обладает редкостным свойством: оно оживляет все, к чему прикасается. Самые непохожие, полярные фигуры, самые далекие друг от друга жанры покоряются этому веселому и точному перу, этой крепкой и талантливой руке. Стержневым началом его творчества служит тема патриотическая, тема любви к России, старой и новой. В книге «Корни» (1977) он писал: «Живое чувство патриотизма должно проявляться естественно, на основе гордого сознания крепости и вечности тех корней, из которых выросла наша культура. Величие народа покоится на его прошлом, и давнем и недавнем. Отними это прошлое, и останется просто громадная пестрая толпа, неспособная строить свою будущность».

В художественных исканиях Жукова объединяющим началом стало стремление расширить русло традиционных форм биографического жанра. Он улавливает такие связи, которые придают его биографиям романную, даже драматургическую сюжетность, делая при этом биографию своего героя фактом собственной, внутренней, интимной жизни, отправляясь с ним не только в географическое путешествие, но и

в «путешествие души». Сам Жуков пытался изложить историю жанра и осознать свой опыт в труде «Биография биографии», впервые опубликованном в журнале «Наш современник» (1979), за чем последовала редакционная статья С. Чуприна (нынешний главный редактор журнала «Знамя») в «Литературной газете» за подписью «Литератор». Жуков осуждался за намеки на некие «влиятельные разрушительные силы», провоцирующие «массированное наступление авангардистов... ради торжества... массовой культуры». Ему инкриминировалось применение буржуазных терминов в отношении советской литературы и искусства и отступление от марксистско-ленинских принципов, которых Жуков не придерживался никогда. Были и прежде статьи о сочувствии Жукова славянофилам, теперь же началась настоящая журнально-газетная травля. В частности, «Правда» (1983) писала о его книге «На семи холмах» (1981), что «здесь расточаются безудержные славословия святым Сергию Радонежскому, Пафнутию Боровскому, делается неосновательный вывод о неразрывной связи в прошлом культа и культуры». В заключение говорилось, что «подобным изданиям требуется создать надежный заслон».

Именно в этой книге сосредоточены статьи Жукова о безобразном отношении к памятникам истории и культуры, о разрушенной Оптиной Пустыни, грибоедовской Хмелите, церкви Знамения в Дубровицах, о безответственном расточительстве средств, выделявшихся на реставрацию. Они публиковались в периодической печати и вызывали крупные разбирательства, завершившиеся подлинным восстановлением святынь.

Дмитрий Анатольевич Жуков был человеком равнодушным. Ему до всего было дело. Он всегда верил в славянское единство, ему не безразличны Иран, Ближний Восток, Китай...

В течение многих десятилетий он работал в Приемной комиссии Союза писателей России, заботливо, по-товарищески относился к молодым писателям, поддерживая их начинания...

Дмитрий Анатольевич Жуков прожил долгую и интересную жизнь, верно служа своему народу и Отечеству.

Писатели России

Из «Боровских былей»

Новелла

Красивый поворот

Всякий раз, когда сворачиваешь на Боровское шоссе и за обочиной начинают мелькать наливающиеся весенним соком старые березы, появляется радостное чувство — еще немного, за речкой Истермой, за монастырским парком, будет бугор, а потом машина покатит вниз по большой дуге, которую местные жители называют Красивым поворотом. И лучше не придумайешь названия. Он действительно красив, этот поворот.

Справа стоит стеной сосновый бор. На весеннем солнце блестят чистым золотом стволы могучих сосен, а слева тянется полоса молодых березок. Они — как белые свечи, осененные сиреневым дымком путаницы тонких веток, готовых вот-вот вспыхнуть зеленым пламенем нового пробуждения...

С бугра как на ладони виден весь Красивый поворот, а за ним — город Боровск, его деревянные и кирпичные дома, сейчас еще серые сады, белые и красные колокольни и церкви с покосившимися маковками. Взбирается городок на высокие холмы, у подножия которых вьется река Протва. К самой воде ее склонились громадные двухсотлетние корявые ивы, такие серебристые и пушистые летом, а теперь голые, израненные местами до древесной белизны, выдержавшие отчаянную схватку со льдинами. Если снега много, а

весна дружная, то в речных излучинах льдины упираются в крутые откосы и могучие стволы ив, с грохотом налезая друг на друга, громоздятся на берегах...

Как море разливается по всей пойме обычно кроткая Протва, слизывая еще не растопленный солнцем снег.

От начала Красивого поворота, с бугра, открываются дивные дали, вбирающие в себя не только пространство, но и время. Отсюда можно окинуть взглядом настоящее и прошлое и даже заглянуть в будущее.

В Боровске я бывал и зимой и летом и всякий раз подолгу смотрел на долину Протвы. В первый свой приезд я заметил на горе деревянную церковь в окружении вековых деревьев, пошел к ней через долину, увязая по колено в снегу, и добрался до села Высокого, откуда и город и монастырь были видны как на ладони. Был виден и двухэтажный дом в Роще, в том месте, где речка Истерма впадает в Протву. И тогда совсем не думал я, что в квартире Антиповых, в этом самом «учительском» доме, буду еще много-много раз пить чай по вечерам, отдыхая душой от московской круговерти, съедая блюдечко за блюдечком домашнее варенье, не в силах противостоять дружному напору радушия и благожелательности, хоть и не люблю сладкого.

Ах, Вера Михайловна, Вера Михайловна, не сердитесь на меня за мою дерганность! Я, как камень, пущенный сильной рукой, все лечу и лечу, подпрыгивая на волнах, и если остановлюсь, то, наверно, пойду ко дну. И все же как благо я воспринимаю наши посиделки, ваши неторопливые рассказы, застенчивую и любовную улыбку Алексея Алексеевича. Пригласите меня на вашу золотую свадьбу, и пусть покой и любовь в вашем доме пребудут всегда. И может быть, мы опять вспомним Феодосью Морозову и Евдокию Урусову, несчастных женщин, чей плач доносится через века и бережит душу.

Я хорошо помню, как лет десять назад одним таким вечером Алексей Алексеевич жаловался:

— Плиту с могилы Морозовой и Урусовой лет пять как уже увезли в Калугу. Я пытался забрать ее обратно, но оказалось, что держали ее там на дворе под водосточной трубой, и она вся растреска-

лась и расслоилась. С места ее теперь не сдвинешь — рассыплется...

Мы с ним листали копии писцовых книг за разные годы XVII века, прикидывали, где была в Боровске наугольная башня, тайный ход к Протве, приказная изба «с сеньми», тюремный острог, «а в нем 2 избы тюремные земляные и избы обвалились», кто служил воеводой тогда, а кто заплочным мастером... И где яма находилась, в которой гнили воровские узницы...

И мы вслух мечтали, что когда-нибудь будет восстановлен монастырский парк, один из лучших в России, созданный в XVI веке, когда еще и не слыхивали об английских и французских. Над каскадом запущенных прудов с превеликой изобретательностью русские люди сажали деревья так, чтобы за каждым поворотом открывался новый красивейший вид и чтобы в осенние дни купы вязов, берез, дубов, ясеней постоянно меняли краски, открывая нам разнообразие и прелесть родной природы. Но больше всего здесь сосен. Громадные деревья расставлены редко: солнце прогревает стволы, источающие смолу; воздух душист, тишина. Меж стволов виден заросший ряской пруд, над ним — крепостная башня и часть стены, еще выше — купола.

«Здесь свежо и чисто. Золотые стволы сосен уходят в небеса. Часами можно лежать и слушать их вечный шум, самый спокойный шум на свете».

Это написал о Боровске ученый-химик Евгений Викторович Николаев, перу которого принадлежит прекрасная книга «По Калужской земле». Книга не закончена, но издана... Автор скончался тридцати двух лет.

Поразительны слова, на которых обрывается книга: «Надо было возвращаться. А дорога бежала все дальше, среди полей, мимо деревень, то поднимаясь на холмы, то исчезая из виду. Впереди было много неизвестного, и остановиться было так же трудно, как стать посреди быстротекущей реки. И хотя было грустно, мы вспомнили старинную поговорку: «Кто надеется вернуться — уходит спокойный». А мы надеялись вернуться...»

Он не вернулся в Боровск. Но другие возвращаются. Их тысячи, беззаветно любящих родину...

Обвал

Алексей Алексеевич часто писал мне из Боровска. В одном из писем есть такие строки:

«Нельзя сказать, чтобы мы бережно относились к тому, что будет потом называться памятником истории и культуры. В церковных помещениях, где были под масляной краской древние фрески, размещались слесарные, сварочные и даже кузнечные цеха, склады, лаборатории практических занятий. В центральном соборе размещались зерновые комбайны и другие машины. Иногда я позже думал, почему же нам никто не подсказал в то время о необходимости более бережного отношения ко всему, что потом придется реставрировать, возрождать, затрачивая на это большие средства».

Почти пятнадцать лет человек проработал в стенах монастыря в училище, потом переросшем в техникум механизации сельского хозяйства, где он предполагал и не представлял себе, что у системы зданий, в которых протекали его дни, есть интереснейшая история, что это драгоценный памятник культуры... Не он один был такой — все мы блудные сыновья своего Отечества. И рано или поздно свершается то, чему дано свершиться.

Первоначальным толчком к познанию была катастрофа... Да, самая настоящая катастрофа. И внимание к Боровскому Пафнутьеву монастырю было привлечено этой катастрофой. Вот уж истинно по пословице — пока гром не грянет, мужик не перекрестится!

Рокотали трактора в соборе, сотрясая его стены. Звенело железо. Потом грохнуло. Центральный барабан храма рухнул вовнутрь и раздавил находившиеся там два учебных зерноуборочных комбайна.

Обвал случился в ночь на 14 мая 1956 года, то есть 1 мая по старому стилю.

В этот день в прошлом, да и в настоящем, но уже в гораздо меньшей степени, в соседних селах и городе Боровске был большой праздник — день памяти Пафнутия, основателя монастыря. Возле монастыря была обычно ярмарка. Приезжали сюда со своим товаром купцы из Боровска, Вереи, Серпухова, Калуги, Москвы и даже

Нижнего Новгорода. Верующие из местных жителей усмотрели в том, что в это время рухнул собор, кару Божию. И не только это «усмотрели» они. От центрального барабана, который рухнул, остались наверху только два простенка, два зубца. На них с внутренней стороны были изображены в полный рост «святые отцы». Признали в одном из них Пафнутия. Прокатилась волна слухов: «Собор рухнул, а Пафнутий не упал, он сверху все видит кругом».

Тотчас из Москвы приехали специалисты — представители Центральных научно-реставрационных мастерских Академии строительства и архитектуры. Четыре года они вели исследовательские и подготовительные работы, чтобы в 1960 году начать реставрацию. Тогда-то и узнали от них педагоги о роли Боровского Пафнутиева монастыря в истории культуры России.

Боровское ополчение во главе с князем
Владимиром Андреевичем Серпуховским
и Боровским отличилось на поле Куликовом

Желтого истории

Жили здесь когда-то летописные вятичи. Впервые официально Боровск упомянут в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича в 1358 году, но в свое время один из городских воевод доносил:

«...кем сей город построен и давно ль, сведения не отыскано, а из истории преп. Пафнутия Боровского чудотворца видно, что г. Боровск был до прихода в Россию татарского царя Батые...»

Боровское ополчение во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и Боровским отличилось на поле Куликовом. Это князь Владимир Андреевич, прозванный Храбрым, вел полк правой руки к полю. Это его вместе с Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским поставили командовать засадным полком. Это он, видя, как гибнут русские люди под татарскими саблями, пылко рвался в бой, а опытный Боброк его удерживал, чтобы сказать в нужное время: «Теперь и наш час приспел. Дерзайте, братия и други». Это Владимир Андреевич после разгрома врага «стал на костях» под алым великокняжеским знаменем, велел трубить сбор и спрашивал о князе Дмитрии Донском: «Где брат мой и первоначальник нашей славы?»

Он послал людей своей дружины искать Дмитрия, и они нашли его с иссеченными латами, всего в ранах и ушибах, без памяти...

Куликовская битва вселила в русских людей уверенность, что они могут объединяться, бороться и побеждать. Но еще опустошались и горели русские города. Еще велись княжеские междоусобицы. Потомки и родственники Дмитрия Донского ездили в Орду за ярлыками, свергали друг друга с престола, ослепляли и убивали. И все больше склонялся народ к мысли о необходимости единства и крепкой власти, прекращения удельных раздоров. Того же хотела и церковь, несмотря на все свои внутренние нестроения и раздоры.

Все больше и больше строилось монастырей. Вроде бы удалялись отшельники в лесные дебри, в пустыню. Потом смотришь, разбогатеет монастырь, прикупит земель, соберет вокруг себя крестьян, и оказывается тихая обитель на самом что ни на есть стратегическом месте. Вырастала крепость с двойным назначением — духовным и военным. Опорный пункт для объединения сил или колонизации новых мест.

Отшельники были умными людьми. Им хотелось уйти от суеты, остановиться и подумать в тишине. Но в молитвах своих они не забывали о деле. Влияние их на дела государственные становилось очевидным. Заботами их процветало искусство и зодчество.

Было время, когда гордый монгол верил лишь в силу кривой своей сабли. Потом, по природе воинственный и чувственный, он воспринял ислам, но на всякий случай относился терпимо и к другим вероисповеданиям. Издавна существовала Сарайская епархия, а с усилением Москвы все больше татарских мурз принимало крещение, давая начало родам князей Мещерских, бояр Годуновых, Вельяминовых, Сабуровых — громких впоследствии русских фамилий не перечислишь.

В 1393 году вся Москва собралась на торжество крещения трех татарских вельмож.

Не все, однако, крестились добровольно. По преданию, был в Боровске «властитель, баскаком нарицаемый». Как-то боровитяне восстали, и была бы баскаку смерть, если бы не крестился он срочно и не принял имя Мартына. Сын его Иван владел селцом Кудиновом, что находилось в четырех верстах от Боровска. Оттуда и явил-

ся отрок Парфений, внук баскака, в Покровский Боровский монастырь на Высоком, основанный в 1410 году в уделе серпуховского князя Василия Ярославича. В двадцать лет Парфений стал монахом, был переименован в инока Пафнутия и получил в наставники старца Никиту, ученика Сергия Радонежского. Еще двадцать лет Пафнутий исправно трудился в монастыре и в 1431 году стал его игуменом.

В «Житии преподобного отца нашего Пафнутия», написанного его учеником Вассианом, архиепископом ростовским и ярославским, рассказывается, что Пафнутий тяжело болел, приготовился к смерти и принял схиму — стал жить в самых строгих правилах. Но болезнь отпустила его, и в 1444 году он решил отказаться от игуменства, ушел за реку Протву, где впадает в нее река Истерма и где начинались владения князя Дмитрия Шемяки, стал жить там отшельником в густом лесу.

*Пафнутьев Боровский
монастырь на Роще
и памятник при. Пафнутию
Боровскому Чудотворцу
на Высоком*

Вскоре к нему потянулись монахи из старого монастыря, воздвигли церковь во имя Рождества Богородицы с благословения московского митрополита Ионы... Вот тут-то очень трудно становится прочертить границу между верой и политикой. Судите сами.

Скит превращается в процветающий монастырь, который целиком поддерживает объединительные идеи Москвы, а находится под боком удельного князя Василия Ярославича, внука героя Куликовской битвы Владимира Храброго. Разумеется, князь недоволен поползновением Москвы на свой удел и «посылаше многожды буйи слуги еже зажеши обитель». Кстати, одним из поджигателей был татарин Ермолай, которого татарин Пафнутий укротил весьма ловко.

Не будем вдаваться в подробности, скажем только, что князя Василия Серпуховского, хотя он и был союзником великого князя Василия Темного в борьбе против «Шемякиной смуты», схватили и сослали в Углич, а удел отобрали. Того требовала высшая политика, и, видимо, без Пафнутия тут дело не обошлось. Недаром он высоко ценил дела Ивана Калиты и часто поминал этого князя...

Лет через десять Пафнутий предпринял строительство большого каменного храма и пригласил расписывать его Дионисия и Митрофания, «живописцев хитрых в Рустей земли», как писал Иосиф Волоцкий, крупный политик и писатель. Двадцатилетним пришел этот сын московского служилого человека, в миру Иван Санин, к Пафнутию и застал строительство в самом разгаре. Игумен и его братия трудились в поте лица, обтесывали бревна, носили камни, а потом, не отдыхая, отправлялись на вечернюю службу.

Пафнутий и сделал его иноком Иосифом, который, как и другие их современники, оставил много свидетельств необычного дара Пафнутия — тот был «страшным старцем»: по лицу приближавшегося к нему человека он угадывал в нем всякую дурную страсть, всякое дурное его дело. Проницательность его была так велика, что граничила с ясновидением.

Однажды в монастырь пришел какой-то человек и, встретив Пафнутия, спросил Иосифа. Пафнутий нашел Иосифа и посоветовал поскорее отделаться от этого человека, потому что тот некогда совершил убийство. Так оно и оказалось.

Или, например, узнал Пафнутий в одном монахе человека, отравившего в Новгороде князя Дмитрия Шемяку. И точно, монах когда-то был боярином и любимцем князя Иваном Котовым. Предатель и убийца замаливал свой грех. Даже если Пафнутий был хорошо осведомлен, его способности поражали современников и казались чудом.

*Храм Покрова Пресвятой
Богородицы на Высоком*

Пришел отрок Парфений, внук баскака, в Покровский Боровский монастырь на Высоком, основанный в 1410 году в уделе серпуховского и боровского князя Василия Ярославича. В двадцать лет Парфений стал монахом, был переименован в инок Пафнутия и получил в наставники старца Никиту, ученика Сергия Радонежского.

Начало музея

Антипов рассказывал населению об истории монастыря. Для этого приходилось много читать, и узнавание возбуждало еще большее любопытство. А тут еще начались работы, копать стали и находить клады. Целый кувшин серебряных монет. Кто, когда, как чеканил — все интересно.

Под стены собора, колокольни, трапезной реставраторы подкапывались на глубину пять-шесть метров, выскребали гнилые сваи, заливали бетон. Чудом выглядела их работа по восстановлению центрального купола собора. А заодно и стены, и башни монастыря нарастили, восстановили.

Находок было много — изразцы, саркофаги, кувшины. Выпросили подвальное помещение под колокольной и трапезной, привлекли молодежь и стали сносить туда находки, Потянулся народ, посетители.

А тем временем реставраторы взялись за фундамент и цоколь собора, сложенные из брусков известняка. Кладка ослабла, края некоторых брусков обкрошились. Меняли их на новые, более надежные. И тут это самое и случилось... Стали попадаться бруски со слоем

старой штукатурки, а на ней — фрагменты фресок! Краски нежные — желтоватые, розовые, коричневые... Целый лик старца попался, с розовым нимбом вокруг головы. Пятьсот почти лет сидел он в цоколе собора, на северной его стороне. Что тут началось! Сбежались все, и в том числе главный архитектор проекта реставрации монастыря Валентина Николаевна Меркелова, художник-реставратор Игорь Максимович Гудков. Тогда-то и было произнесено имя: «Дионисий!»

Взрослые люди ликовали и прыгали, как дети, вокруг камня.

С камнем надо было что-то делать. Решили перенести его на второй этаж гостиных палат. Подняли осторожно брусок, уложили на носилки и понесли. Кто не нес, крутился вокруг носилок и подавал советы. Несли затаив дыхание, и все-таки на лестнице брусок вдруг сполз с носилок и рухнул на ступени...

Реставраторы рвали на себе волосы. Сыпались обвинения: ты, мол, высоко поднял ручки носилок, а ты опустил, а ты был приставлен, чтобы поддерживать брусок, да ушами хлопал... Потом приободрились — лишь кусочек от угла откололся.

Шум от этой находки получился великий.

В газетах и журналах появились статьи с броскими названиями: «Уникальная находка», «Дионисий в Боровске»... Потом камень с фрагментом фрески выставлялся в Ленинграде в Русском музее, а теперь находится в Музее им. Андрея Рублева в Москве. Есть фрагментик и у Антипова в его монастырском музее, тут же — набор средневековых инструментов для штукатурных работ, цветные камешки, репродукции сохранившихся работ Дионисия...

Когда началась шумиха, множество всякого люда устремилось в Боровск. «Покажите Дионисия!» — требовали они. Антипов подводил их к стене собора, хлопал ладонью по цоколю и говорил:

— Здесь Дионисий!

Когда реставрировали собор, он еле дышал. Не разбирать же было его основание до последнего камня. Так и остались там, где-то в недрах стен, бруски с штукатуркой, которой касалась кисть Дионисия.

Дионисий, Пафнутий и другие

Гений Дионисия признан всемирно, а о нем самом известно мало.

Где и когда родился? Поди узнай, если первые сведения о нем связаны с Боровским Пафнутьевым монастырем, а трудился он там где-то «между 1467 и 1476 годами». Отсюда и считают, что родился Дионисий то ли в тридцатых, то ли в сороковых годах пятнадцатого столетия. Во всяком случае, в Боровске работал уже известный мастер, потому что в «Житии Пафнутия» говорится так: «Бе во иконописцех изрядный художник, именем Дионисие-мирянин».

Если Андрей Рублев был монахом, то Дионисия, видимо, надо считать одним из первых русских «свободных художников». Был он женат, имел двух сыновей — Феодосия и Владимира, которых тоже сделал знатными живописцами. С ними и целой артелью помощников он явился в Боровск, где Пафнутий благословил его на «доброе дело». Есть в «Житии Пафнутия» и некоторые другие весьма интересные подробности.

У Дионисия болели ноги, и работать он сперва не мог. Мудрый старец Пафнутий молился за него, мазал ему ноги елеем, а может быть, прибегал и к радикальным средствам, почерпнутым из народной медицины, в которой, как известно, монахи были весьма сведущи. Во всяком случае, Дионисий на ноги стал и принялся за работу.

Поскольку Дионисий не давал обета воздержания и, видимо, любил хорошо поесть, Пафнутий велел ему и его подмастерьям питаться где-нибудь в селе и в монастырь мяса и прочих соблазнительных «мирских снедий» не носить.

Однако заповедь Пафнутия скоро забылась. Артель притащи-

ла в монастырь печеную баранью ногу, фаршированную яйцами, и после трудов праведных села «вечерять». Первым, естественно, отрезал кусок мастер и стал жевать, да только тут обнаружилось, что внутри баранья нога вся испорчена и в ней даже копошились черви... То ли Дионисий отравился, то ли от мнительности, но начался у него «недуг, свербез глаголемый». Чесался он страшно, все тело покрылось коростой. Припомнив запрет Пафнутия, он бросился к нему каяться. Старец всполошился — дело-то стоит. Собрал он всю братию, молебен отслужил за художника «соборно», лечил и вылечил.

Закончил фрески Дионисий, иконы написал «чудно вельми». Летописцы, рассказывая о смерти Пафнутия в 1477 году, отметили и то, что красоте храма «дивилися и самые самодержцы Русской земли».

Представить себе это можно тому, кто побывал в Ферапонтовом монастыре и видел тамошний Рождественский (как и в Пафнутьевом!) собор, расписанный Дионисием году в 1500-м. Эту последнюю известную работу великого художника (год его смерти опять же неизвестен) открыл в начале нашего века знаток русской старины Василий Тимофеевич Георгиевский, положив начало поискам других творений Дионисия и сведений о его жизни. После Боровска художник писал иконы для иконостаса Успенского собора Московского Кремля в 1481 году, иконы и фрески соборной церкви в Иосифо-Волоколамском монастыре...

Теперь уже сравнительно много есть икон, в которых узнаются тонкий рисунок и богатая по цветовым оттенкам палитра Дионисия, изящные, сильно вытянутые фигуры, декоративность его стиля, ставшего образцом для подражания многих поколений наших древних художников, а это привело к тому, что торжественное и праздничное искусство Москвы делалось общерусским.

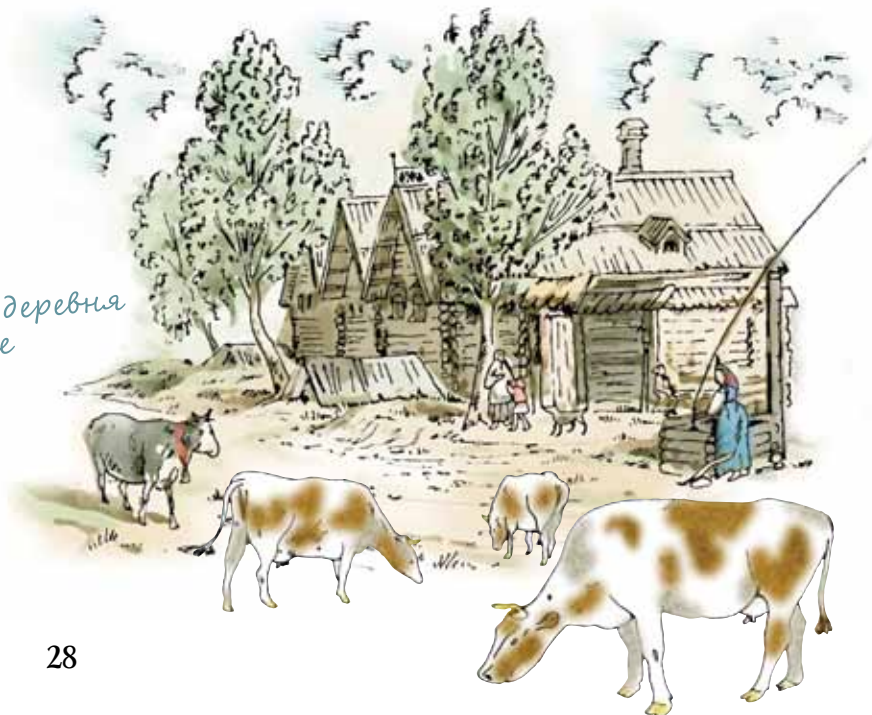
Я побывал в Ферапонтовом монастыре и могу сказать, что никогда еще не испытывал такого наслаждения, счастья даже, от воздействия произведений искусства, как в Рождественском соборе, где со стен льется музыка в красках, где чувствуешь отрешение от всего суетного, где кажется, что звучит тишина, неведомым образом превращающаяся в складное многоголосье древнего русского хорового пения...

Собор в Ферапонтове небольшой — такой же, какой разобрали в свое время в Пафнутьевом. И тема одна — Рождество Богородицы. По сохранившимся в Боровске фрагментам не представишь целого. Эти работы Дионисия отделены друг от друга более чем двумя десятками лет. И все же — это рука одного великого художника...

Но если живопись Дионисия для нас — реальность, то вокруг жизни его нагромождено много фантастических догадок, потому что сведения о ней по-прежнему скудны. Мне хочется не фантазировать, а разобраться в некоторых совпадениях, которые поражают воображение.

Для этого надо вернуться в монастырь к Пафнутию и разглядеть тех, кто окружал старца. И вдруг окажется, что многие из молодых иноков монастыря впоследствии становятся крупнейшими церковными и политическими деятелями государства, образованнейшими для своего времени писателями! И Дионисий так или иначе связан со своими боровскими знакомцами.

*Русская деревня
в XVI веке*

И тут начинаешь думать, что не все просто было в этом монастыре и что Пафнутий — не только пронцательный старец, но и, видимо, образованный человек, заботившийся о пополнении монастырской библиотеки и сам размышлявший о судьбах государства, иначе откуда бы взять его ученикам такую эрудицию и страсть...

К сожалению, даже в старых описаниях монастырского имущества списки книг начинаются со знаменитого Евангелия, хранящегося ныне в Историческом музее. Есть в нем надпись:

«Писано бысть сие Евангелие в великом Нове-Граде повелением Преосвященного архиепископа... Макария в седьмое лето паствуства его. И совершено бысть в конце лета 1533... Вдано... Макарием постриженником Пафнутьева монастыря на память своей души и своих родителей в вечный поминок... За написание, кроме жемчугов, яхонтов и прочих каменьев, заплачено сто рублей и дванадцеть гривен Московских...»

На эти деньги тогда можно было купить село с деревнями.

Макарий вскоре стал митрополитом московским и всея Руси. Будучи постриженником Пафнутьева монастыря, он уже не застал самого Пафнутия, но, как отмечают историки, всецело проникся его учением, «отличительною чертою которого было чувство меры». Это для нас важно, как и то, что Макарий был сторонником усиления русской государственности — под его влиянием Иван Грозный принял царский титул. Макарий канонизировал русских святых — и Пафнутия в том числе. Под его руководством составлены «Степенная книга» и «Великие Минеи-Четьи», заведена первая типография. На Стоглавом соборе не было равных ему по начитанности, а это способствовало утверждению и распространению взглядов Макария, старого «иосифлянина».

Ближе всех к Пафнутию был могучий клан Саниных, самый известный из которых Иван, он же Иосиф Волоцкий, прожил у Пафнутия в монастыре восемнадцать лет, а по смерти старца стал его настоятелем. Но «чувства меры» своего учителя он не знал — никакого прекословия не терпел, каждому монаху определил место в церкви и велел стоять, «стиснув свои руци и соединив нози». Инокам такая дисциплина не понравилась, они взбунтовались, и пришлось Иосифу уйти из Боровска, взяв с собой лишь икону «Дионисиева письма». Но ушел он не в Москву, а на землю князя Бориса Волоцкого и основал там свой монастырь, куда потом пригласил работать и художника Дионисия.

Почему же не на московскую землю? Да потому, что между великим князем Иваном III и церковниками резко обострилась борьба за действительную власть. К тому же из Новгорода стала распространяться ересь, сторонников которой поддерживал Иван III.

Противники новой ереси называли ее участников «жидовствующими». Иосиф Волоцкий, яростно обличавший новгородских еретиков, указывал как на основателя ереси на некоего «жидовина Схарию», приехавшего в Новгород из Литвы», — писали в 1967 году авторы книги «Церковь в истории России».

Дело было так. Ученый раввин Схария нашел себе ученика в лице попа Дениса, обещал сообщить ему начатки астрологии — матери астрономии, магии и других заманчивых наук, которые сулит иудейская кабалла, при условии отречения от Христа. Денис привел попа Алексея, а Схария, видя успех своего дела, выписал из Литвы помощников Шмойлу Скарявого и Моисея Хапуша. Они обратили в свою веру около тридцати попов, дьяконов, мирян. Денис и Алексей хотели даже, чтобы над ними совершили обряд обрезания, но учителя запретили им обзаводиться такой уликой и предложили строго исполнять наружное благочестие. Схария с помощниками исчез, а

ученики стали тайно распространять ересь. Они высмеивали и святость икон, сделанных человеческими руками.

Слава о благочестии и мудрости Дениса и Алексея умело ширилась. Иван III взял их в Москву и поставил одного протопопом в Успенском соборе в Кремле, а другого — в Архангельском. Астрология при дворе стала модой.

К секте примкнули родственники великого князя, будущий митрополит всероссийский Зосима, думный дьяк Федор Курицын — нечто вроде тогдашнего министра иностранных дел — и многие другие влиятельные люди.

Дело вскрылось в 1487 году, когда в Новгороде «жидовствующие» по пьяному делу затеяли свару. Архиепископ новгородский Геннадий начал было розыск, но делу хода не дал московский митрополит Зосима, сам в пьяном виде говоривший: «А что то Царство Небесное? А что второе пришествие? А что воскресение мертвым? Ничего того несть...» Некоторых еретиков, разбивавших при свидетелях

*Пришлось Иосифу Волоцкому уйти
из Боровска, взяв с собой лишь
икону «Дионисиева письма»*

Иосиф Волоцкий
сразу же увидел
опасность
развала
только что
укрепившегося
русского
государства
и стал
рассылать
свои
послания,
собранные
потом
в книгу
«Просветитель».

кресты и иконы и метавших их в грязь, выставили на позорище в берестяных шлемах с надписями: «Се сатаниново воинство».

Но сила все равно оставалась на стороне еретиков. Они проникли во все поры государственного аппарата. Их поддерживал и Иван III, которому хотелось прибрать к рукам церковно-монастырские богатства. Московские еретики к тому же были совсем не против религии, но критиковали ее с рационалистических позиций. Высмеивали они, кстати, и ожидавшийся многими в 1492 году конец света, поскольку на этот год падало седьмое тысячелетие по библейскому счислению.

Дьяк Федор Курицын высказывал в своем «Лаодикийском послании» мысль о «самовластии души», то есть о свободе воли человека, независимости ее от божественного провидения, что ныне признается богословами. Великого же князя Курицын уверял, что никакого «еретичества» при дворе нет, а есть лишь невинное занятие астрологией.

Когда же еретичество вышло из храмов и теремов на улицу, оно стало угрозой для всего строя...

И тут на сцене появился Иосиф Волоцкий, который сразу же углыдел опасность развала только что укрепившегося русского государства и стал рассылать свои послания, собранные потом в книгу «Просветитель». Его сторонников называли «иосифлянами».

Программа Иосифа выражена была предельно ясно. Он считал, что нужны сильные и богатые монастыри. Аскетизм, нестяжательство — это хорошо, но где тогда церковь будет черпать силу, пойдут ли в монастыри богатые и знатные люди? Нужна строгая дисциплина в монастырях. И земля монастырям нужна как «убежище» для разоренных дворянами крестьян. Обстановка накалена — будьте, дворяне, поосторожней! Вот что писал он одному вельможе:

«Слух до меня, господине, дошел... будто велико твое немилосердие и нежалование к рабам и сиротам домашним, теснота, скудость в телесных потребах, голодом таят, наготой страждут... Писание повелевает рабов как братии милловать, питать и одевать и о душах их заботиться, научать на всякие добрые дела: если же раб и сироты у тебя в такой тесноте, то им нельзя добрых дел делать, но, умирая с голоду, они не могут удержаться от злых обычаев...»

Еретиков же он предлагал искоренять, жечь даже. А если царь за них вступится, то «такового царя не послушаеши».

Иосиф Волоцкий победил и «жидовствующих» и нестяжателей. Это был великий оратор, на память цитировавший Писание, жития, апокрифические сказания и даже гражданские законы византийских императоров, а это говорит о том, что в Боровске он времени даром не терял. Монастыри получили право богатеть, а еретиков стали жестоко наказывать.

Ивану III не оставалось ничего другого, как примириться с церковью и ее идеологом, поскольку Иосиф признал божественность происхождения великокняжеской власти.

Десятки тысяч «рабов» трудились на монастырских землях. Их труд овеществлялся в прекрасных храмах и других зданиях, в иконах и фресках, в драгоценной утвари и книгах.

Все это создано православным людом и должно остаться народу навсегда как свидетельство трудолюбия и таланта предков.

Высказывается мнение, что «Послание иконописцу» Иосифа Волоцкого предназначено было Дионисию, «возлюбленному и духовному брату», «самому ти начало художнику», то есть первому из русских художников. И как страстно в нем Иосиф защищает иконописание, искусство! Какую великую роль отводит ему в борьбе с еретичеством!

Так начинался расцвет культуры в русском централизованном государстве.

«Иосифляне», вышедшие из Пафнутьева монастыря, были в большинстве своем из рода Саниных. Они любили и поддерживали искусство и художников. Странно, но многие из них в монашестве звались Вассианами...

Это Вассиан Рыло, родственник Иосифа, подрядил в свое время Дионисия писать иконы для Успенского собора в Кремле. Игумен Троице-Сергиева монастыря, а потом архиепископ ростовский, Вассиан Рыло затеял строительство множества церквей, а свое прозвище получил, по преданию, за свою страсть рыть при монастырях большие пруды.

Это Вассиан Санин, родной брат Иосифа, тоже архиепископ ростовский, написал «Житие Пафнутия» и первым воспел талант Дионисия. В 1488 году в Ростовской соборной церкви по его заказу иконники Дионисий, поп Тимофей, Ярец и Коня написали за 100 рублей деисус, пророков и праздники «чудно вельми».

И как не вспомнить, наконец, о Вассиане Топорке, племяннике Иосифа, еписко-

пе Коломенском, о котором князь Курбский рассказывает в одном из посланий...

Будто бы Иван Грозный во время поездки в Кирилло-Белозерский монастырь посетил совсем уже старого Вассиана и спросил этого любимца и друга своего отца:

- Как я должен царствовать, чтобы вельмож своих держать в послушании?

- Если хочешь быть самодержцем, — прошептал ему Вассиан, — не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя, потому что ты лучше всех. Если так будешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будешь иметь в своих руках. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им.

Царь поцеловал ему руку и сказал:

— Если бы отец мой был жив, то и он не дал бы лучшего совета.

Курбскому казалось, что с этого совета и начались гонения и казни. Это только теперь видно, что ковалось могущественное русское государство.

Последним боровским князем был двоюродный брат царя Владимир Старицкий. Иван Грозный дал ему Боровск, потом казнил брата и забрал город в опричнину. Много есть народных песен о грозном царе, но ни в одной из них нет насмешки над ним. И как ни старался Борис Годунов заслужить уважение народа, добрых слов в песнях для него не нашлось.

Майна затворника

В 1511 году было построено старейшее из сохранившихся зданий Боровского Пафнутьева монастыря — трапезная с церковью при ней. Суровым и торжественным кажется это здание с маленькими окошками, с широкой лестницей под арочными сводами, ведущей в гигантскую одностолпную палату, такую же, как Грановитая в Московском Кремле. Когда-то затейливым орнаментом было украшено все здание — и внутри и снаружи.

А Рождественский собор (на месте старого, расписанного Дионисием), громадный, пятиглавый, с двумя приделами, начал строиться, видимо, при сыне Грозного, царе Федоре Иоанновиче, а заканчивался при Борисе Годунове. Один придел посвящен был Федору Стратилату, а другой — великомученице Ирине, напоминая о ктиторах собора — царе Федоре и его жене Ирине, сестре Бориса Годунова.

У входа в Ирининский придел и сейчас можно найти в стене белый камень, на котором высечено:

«ЛЕТА 1599 АПРЕЛЯ 27 ДНЯ ПРЕСТА-
ВИЛСЯ РАБ БОЖИЙ ВЕЛИКОГО ГО-
СУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ВСЕЯ РОССИИ
ДЯДЬКО ОКОЛЬНИЧИЙ ЛУПП ЗОВО-
МЫЙ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КЛЕШНИН,
ВО ИНОЦЕХ ЛЕВКИЙ СХИМНИК».

*В Пафнутьевом
Боровском монастыре*

Это — напоминание об одной из трагических страниц нашей истории. Погиб маленький царевич Дмитрий в Угличе. Расследовать дело царем Федором по совету Бориса Годунова посланы Шуйский с Клешниньгм. Они составили официальный документ, гласивший, что причиной смерти сына Ивана Грозного был несчастный случай.

Это — напоминание о великой тайне, питавшей воображение историков и великих поэтов. Что в действительности знал Клешнин? Какой грех замаливал, если вскоре ушел в Пафнутьев монастырь, пожертвовав ему все свое громадное состояние, и под именем Левкия Схимника долгие годы жил в затворничестве?

Пушкин соглашался с версией Карамзина о том, что убийство было подстроено Годуновым, когда представлял себе муки совести правителя:

*...Как молотком стучит
в ушах упрек,
И все тошнит, и голова
кружится,
И мальчики кровавые в глазах...*

Нынешние историки не берут на веру повести и сказания Смутного времени, заполненные подробностями убийства, потому что среди их авторов не было ни одного очевидца угличской трагедии. Были подозрения, что подлинник «углицкого дела» подвергся фальсификации. Теперь оно приведено в порядок, палеографическое исследование засвидетельствовало подлинность черновиков допросов. Однако известно, что тот же Клешнин поддерживал дружбу с Годуновым и был зятем Михаила Нагого, утверждавшего, что Дмитрия убили. Дело запутывается еще больше. Английский посланник Горсей сообщал лорду Берли, что царевичу Дмитрию перерезали горло. Но это берется под сомнение, поскольку англичанин писал сообщение с чужих слов.

Не имея достоверных доказательств, современные историки больше рассуждают, «кому выгодно» было пожать плоды той или иной версии. Годунову? Шуйскому? Романовым?

В воображении поэтов фигура Клешнина, приложившего руку к следственному делу, а потом ушедшего в монастырь, обрастает плотью и кровью. Алексей Константинович Толстой в трагедиях «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» своей гениальной трилогии делает Клешнина одним из важных действующих лиц. Чрезвычайно интересна психологическая характеристика, данная им Клешнину в «Проекте постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович».

«...Это тип мошенника преимущественно русский; по крайней мере, его редко встречаешь между иностранцами. Можно его назвать мошенником сугубым или мошенником с перехватом. Каждую свою плутню он совершает не просто, а посредством другой, предварительной плутни. Так, например, когда льстит, он не просто льстит, но посредством грубости, заключающей в себе похвалу; и на людей не особенно тонких такая лесть действует тем сильнее, чем грубее ее оболочка. Образчиком тому служит его упрек Федору, что он «пошел весь в батюшку». Нас редко оскорбляет обвинение в пороках, которых мы решительно чужды, тем менее обвинение в излишней силе. А Федору такой упрек настоящая лафа. Как ему не согласиться, что

он действительно суров и крут, когда его обвиняет в том его дядька, старый, испытанный слуга, известный своей простотой и откровенностью? Мало-помалу этот прием перешел Клешнину в привычку, и он грубит даже бескорыстно. Для Годунова такой человек — находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего он сам не хочет высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказывает Клешнин без обиняков, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнин же предан Годунову столько же из личных выгод, сколько от скрытого презрения к Федору. Он не в состоянии понять Федоровой благодати и откровенно предпочитает ему батюшку Ивана Васильевича, который ни с кем долго толковать не изволил. Клешнин человек очень решительный, ничем не стесняющийся, без совести и предрассудков, не белоручка и большой циник. Он из числа тех людей, которые говорят: «Мы люди простые, люди русские! Рук не моем, ковшей не полощем! То все про больших господ, про бояр да про немцев; а наш брат по простоте: морду зовет рылом, а пощечину — оплеухой...»

Алексей Толстой считал «знаменательным» именно предложение Клешнину ехать в Углич, на следствие. Есть там упоминание и о том, что Клешнин «впоследствии, убояся огня адова, пошел в монахи и посхимился под именем отца Левкея».

В «Царе Борисе», когда появление самозванца лишает покоя Годунова, когда не идут из головы слова: «Убит, но жив», царь приказывает привезти из Боровска тайно Андрея Клешнина. Тот, в схиме и веригах, все так же грубо спрашивает царя: «Еще? Кого зарезать задумал ты?» Годунов хочет знать, убит ли Дмитрий.\

*«Убит ли он? Дивлюся я тебе.
Или мою не разглядел ты схиму?
Так посмотри же на мое лицо!
Зачем бы я постился столько лет?
Зачем бы я носил вериги эти?
Зачем живой зарылся б в землю я,
Когда б убит он не был?»*

Клешнин теперь, через тринадцать лет после трагедии в Угличе, предрекает скорую смерть Годунову, предлагает сложить с головы венец. И когда царь отказывается поцеловать руку схимника, как бы показывая этим, что его-то руки чисты, не в крови, тот восклицает: «Так умирай как пес!»

Весьма возможно, что А.К. Толстой в 1849 году, когда ехал в Калугу, в гости к местному губернатору Смирнову, женатому на бывшей фрейлине Александре Осиповне Россет, задержался в Боровске, чтобы взглянуть на обитель, где кончил свои дни Клешнин.

Кто хозяин памятников

Давно хотелось мне рассказать подробнее о Боровске, который эпизодически возникал в моих повестях «Аввакум» и «Владимир Иванович». Есть у меня книга и об Алексее Константиновиче Толстом, занимавшемся в калужских краях историческими разысканиями. И в каждой из этих книг я пытался рассказать о страстных поисках людей своего места в жизни и счастья. Да не о том ли почти все книги на свете? Проблема счастья сейчас очень насущна. Впрочем, насущной она была, есть и будет вовеки.

Лет пятнадцать я езжу в этот Боровск, что расположился у самой границы Калужской области, там, где она примыкает к Московской. О Боровске в Москве напоминают Боровицкие ворота в Кремле и Боровское шоссе, что начинается на юго-западе столицы. Я даже пытался обосноваться в Боровске, да споткнулся о пустоту чьей-то административной души, видящей в писателе не иначе как соглядатая...

Спасо-Преображенский
храм (на Взгорье)

Придется, видимо, нарисовать картину нелицеприятную, чтобы хоть как-то оправдать подозрение, закравшееся в упомянутую душу.

Боровск — городок, как уже говорилось, весьма древний. Деревянная крепость его, стоявшая на страже Московского княжества, была вознесена на высоченный четырехугольный насыпной холм, огибаемый крутым извивом реки Протвы. Кремль сгорел в 1634 году и больше не восстанавливался. По сию пору сохранился этот рукотворный холм с крытыми откосами, уходящими вверх метров на двадцать, и оттуда виден весь Боровск, многочисленные колокольни на высоких берегах, древняя деревянная церковь в селе Высоком, могучий сосновый бор, некогда, по-видимому, давший название городу, а вдали среди сосен — башни и купола монастыря.

Красиво и внушительно выглядит город, если не всматриваться в частности вроде покосившихся куполов, от которых остались прозрачные скелеты, и стен, облупленных и поросших березками и прочей флорой. Впрочем, как говорят путеводители, древний город был деревянный, а почти все каменное роскошество Боровска построено уже после XVII века и посему якобы не представляет особой ценности.

Однако же, думается, какими надо быть богатыми стариной и культурой, чтобы пренебрегать постройками, которые высились уже тогда, когда Соединенные Штаты Америки, к примеру, еще только делали свои первые шаги. Хотя бы стоящей на центральной площади Спасо-Преображенской церковь «на взгорье», что совсем обветшала и звалась местным людом «Спасом-на-керосине», потому что и в самом деле через весь фасад ее протянулась вывеска керосинной лавки*. Или занятым под автобазу собором, что по стилю и величине очень напоминает парижскую базилику Сакре-Кёр, которую парижане по ночам гордо освещают прожекторами... А тут к этому величественному памятнику пристроен еще и громадный безобразный параллелепипед автоколонны.

* Общественность Боровска во главе с председателем горисполкома Канунниковым В. С. поновила здание на добровольные пожертвования горожан. (2011 г. — Д.Ж.).

В Боровске как-то особенно ощущаешь чувство, «меры и красоты», которым обладали строители, выбирая места для колоколен. И что еще поражает — население городка составляло чуть больше десятка тысяч человек, жили все в деревянных домишках, а деньги на несколько десятков красивых зданий в своих немудреных доходах выискали. Ведь молиться можно и просто в домах было, как это и делали старообрядцы-беспоповцы, составлявшие изрядную часть жителей, а тут чувствуется явная тяга к «излишества», к красоте, которую трудно отделить от представления о счастье.

Боровск расположен в сказочно красивой местности. Почти все памятники его построены на холмах, все на виду, и оттого, покосившиеся, покривившиеся, они придают городу неряшливый вид.

Уже при самом въезде в Боровск, со стороны Красивого поворота, стоит церковь Бориса и Глеба, постройки XVII века, с ободранной крышей и стенами, с наклоненными в разные стороны маковками, с обрушившейся колокольней**. И далее — некрашенные дома с повалившимися заборами, замусоренность, а если что и покрашено (в основном здания государственного фонда), то такой ядовитой желто-зеленой краской, что и не поймешь, как до нее додумалась современная химия. В старинных зданиях исторического центра — склады товаров. Временами вспыхивают пожары, уничтожая и сами здания, и товары на сотни тысяч рублей, пряча, как говорится, концы в воду, льющуюся из пожарных брандспойтов, и в то же время в городке неладно с водопроводом, не работает половина колонок, а из другой половины течет ржаво-красная жидкость.

** Ныне (к 2011 году) колокольня и церковь отреставрированы и выглядят очень красиво — (Д.Ж.)

При самом въезде в Боровск,
со стороны Красивого поворота,
стоит церковь Бориса и Глеба,
постройки XVII века

...не везет Боровску...
Вздумают построить
новый узел связи,
да оказывается,
перекрытия его
не выдерживают
тяжести
аппаратуры —
так и стоит
на самом видном
месте это здание,
а ведь ради него
сносили дома
дивной
красоты...

Спасо-Преображенский
храм (на Взгорье)

Давно меня беспокоит состояние малых старинных русских городов, в большинстве своем ставших районными центрами. С теплым чувством я бываю в Богородицке Тульской области, где силами местной общественности и при поддержке руководства восстановлены памятники, а сам город чист, благоустроен и носит ярко выраженные следы заботы о досуге и культуре его населения. В Российской Федерации историческими объявлены более ста городов, и два из них находятся в Калужской области. Это Козельск и Боровск. Да только не везет Боровску на местную инициативу. Вздумают построить новый узел связи, да оказывается, перекрытия его не выдерживают тяжести аппаратуры — так и стоит на самом видном месте это здание, а ведь ради него сносили дома дивной красоты, входившие в охранную зону.

В благоустроенном городе и жизнь благополучнее. Меньше пьянства, больше заботы о чистоте, больше охоты заниматься спортом, самодеятельностью, всякими поделками для души. И меньше времени для свар и писания анонимок...

Древняя красота города привлекает в Боровск кинематографистов. Как нужно показать что-либо из старинной жизни или ностальгическую поездку современного героя в родную провинцию, так и снаряжают сюда экспедицию — не менее чем в десятке фильмов видел я знакомые городские пейзажи.

И художники валом валят в город и его окрестности на этюды. Преподаватели Суриковского института и других художественных учебных заведений повадились возить сюда учеников. Вот у меня перед глазами письмо, подписанное десятками виднейших художников России, у каждого из которых такое звание, что и в строку не уместится.

Они пишут об архитекторе Федоре Конне, адмирале Сенявине, математике Чебышеве, философе Федорове, мечтателе Циолковском, протопопе Аввакуме и боярыне Морозовой, имена которых неразрывно связаны с Боровском. Здесь бывали Пушкин и Гоголь.

Это изрядная часть русской духовной истории, движение которой определялось мыслями и делами выразителей народных чаяний — государственных деятелей и творцов. И еще — подвижников, отрекшихся от материального процветания ради духовных подвигов во имя счастья человечества, понимаемого каждым по-своему.

Художники напоминают, что в Боровске работали Суриков, Прянишников, Грабарь, Курилко, Попков.

Художники писали о неоправданном уничтожении дороги с ее старыми березами, запечатленными В.В. Верещагиным в его картинах об отступлении французов в 1812 году. Об уничтожении парков. О безжалостном расточении культурных ценностей.

Сильно выражались художники, предлагая составить наконец, генеральный план города, объявить самые красивые места природным заповедником.

Древняя красота города привлекает в Боровск кинематографистов. Как нужно показать что-либо из старинной жизни или ностальгическую поездку современного героя в родную провинцию, так и снаряжают сюда экспедицию — не менее чем в десятке фильмов видел я знакомые городские пейзажи

Улица Успенская
в начале XX века

Отыскалась как-то в Государственном архиве древних актов подрядная запись о строительстве колокольни в Пафнутьевом монастыре в 1689 году — документ весьма поучительный и для наших дней.

Рядились подрядчики и каменщики числом в двадцать шесть человек из села Исаковского, принадлежавшего Ипатьевскому монастырю, с архимандритом Феофаном и келарем Пафнутием. Поручились

они круговую порукою «зделать колокольню каменную, на колокольни шатер, свести под колоколами свод...». Подробно сказано в записи, что сделают каменщики за «сто десять рублей, четверть круп овсяных, да под рухлядь их подводу от Москвы до монастыря...».

За четыре месяца поручились сделать и сдать колокольню, побелив ее и сняв леса. Но интересно не только это. Интересно, как в договоре предусматривались сроки строительства и дисциплина на стройке.

«А делать нам то вышеписаное дело самым добрым мастерством и от того дела нам прочь не отойти и того дела ничем не остановить и будучи у того дела нам не пить и убытку в том никакова не чищить».

Если же каменщики «учнут пить и бражничать» и сорвут работу, то придется им выплатить монастырю неустойку двести рублей. Строго, если учесть, что бра/ш они за всю работу сто рублей! Но и заказчик отвечал, если вовремя не подвозил строительные материалы и у артели был простой. За такое вынужденное безделье монастырь обязан был платить каменщикам штраф «на всякого человека по гривне за всякий день».

И этот документ, и найденная случайно и отреставрированная студентами МГУ громадная старинная карта Боровского уезда, и прочие редкости нашли свое место в музее под трапезной, где учащиеся бывшего здесь техникума устроили красивые стенды, где была заведена уже книга отзывов, поскольку наплыв любопытствующих жителей Боровска и многих других городов все увеличивался.

Но сказка еще не вся...

Во-первых, странно устроено Общество охраны памятников. И не только в Боровске. Назначают обычно руководителями местных его отделений лиц, очень занятых своей основной службой, для которых памятники — дело десятое. Есть и штатные работники, чаще всего люди случайные, с головой погруженные в собирание членских взносов и отчетность по этому вопросу. Те и другие отмахиваются от энтузиастов, как от надоедливых мух. А во-вторых, ни в одном исполкоме, районном или городском, нет конкретного лица, которое бы отвечало за сохранение памятников. Ходят местные подвижники и энтузиасты из двери в дверь, наталкиваясь чаще всего на недоумение — у человека то сев, то уборка, то иное мероприятие, за которое спросят со всей строгостью, а за памятники...

Помню я, как некогда работал председатель Боровского райисполкома Иван Алексеевич Аполлонов — с утра до поздней ночи, без суббот и воскресений.

— Чего же памятники у вас такие обшарпанные, Иван Алексее-

вич? — спросил я его как-то. — Неужели позаботиться нельзя? Вид города — это визитная карточка всего района.

— А вы знаете, сколько выделяется в год на благоустройство? — задал он мне встречный вопрос — Только дороги успевай приводить в порядок да чистоту поддерживать. А на реставрацию у нас ни средств, ни рабочих рук не хватит.

Так-то оно так. Да не совсем. Одних только средств, выделяемых Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, осваивается едва больше половины. На деньги, что может выделить Министерство культуры РСФСР, просто не представляется проектно-сметной документации. Нынешний председатель райисполкома больше времени уделяет разбору анонимок, чем культуре и благоустройству. Взяться за город и помочь привести его в благопристойный вид все недосуг.

*Старообраздческий
Покровский собор —
уникальный
памятник неорусской
архитектуры.
Построен по проекту
выдающегося
архитектора
Владимира
Покровского
в 1912 году*

И еще одного я не понимаю. В городках вроде Боровска население было такое же, как и сейчас. Строительные материалы на подводах возили, руками наверх подавали. Двадцать шесть человек за четыре месяца громадную колокольню «отгрохали». Теперь же улицы городка сотрясаются громадными многотонными машинами, под которыми асфальт крошится и во все стороны летит. Снуют подъемные краны на колесах. А какой-нибудь домишко, если не «шабашники» строят, который год выше фундамента никак не поднимется. Люди стали жить лучше — никто не спорит. Природный газ, удобства, гаражи во дворах не редкость, хозяйственная основательность в образе жизни чувствуется, хотя труд уже и не изнуряет человека так, как это было в давние времена. И все же... Может быть, указание свыше какое-нибудь требуется — чтоб общественную инициативу развивать и приводить городки в благообразный вид. И выделить при этом строительные материалы. Нашлись бы силы, нашлись бы энтузиасты, уверен. Затеешь такой разговор в городке, а тебе скажут: «А в вашей Москве памятники не лучше содержатся». И то правда. Но это уже совсем другая тема...

*Крестовоздвиженский
храм преобразился, вновь
стал действующим
чаяниями художника
и общественного деятеля
Людмилы Киселевой*

На военных перекрестках

Табличка: «Музей Боровского Пафнутиева монастыря». Несколько каменных ступеней вниз, потом налево, и в небольшой анфиладе древних сводчатых помещений стали видны ухоженные витрины и стенды, где было представлено боровское население всех времен в его «вещественном выражении».

Я уже на память знал, у него в музее, какова экспозиция, но всякий раз находил новое. Саркофаги, коллекции старинных весов, каменные орудия доисторической эпохи, сохи и плуги, иконы и самовары, великое множество предметов быта... Справа — вход в крохотную комнатенку без окон, которая представляется «темной палаткой», где, может быть, сидел в цепях протопоп Аввакум, потому что в его «Житии» и в самом деле есть указание, что она была под монастырской трапезной, а музей именно там. Вот обломок штукатурки с сохранившимся фрагментом фрески кисти Дионисия, тут стенды знаменитых боровчан — математика Чебышева, адмирала Сенявина, мечтателя Циолковского и других. Оружие разных времен — едва ли не все великие войны прокатились сокрушительным катком по городу Боровску, который всегда стоял на страже земли московской.

Во время «великого стояния на Угре» в Боровске была главная ставка великого князя Ивана III. Тогда, в 1480 году, и было покончено с игом навсегда. Выходец из Боровска архиепископ Вассиан Рыло понукал князя: *«Не бессмертный ты человек, смертный, а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войска в руки и увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами?»*

Но Иван III знал обстановку лучше, мудро выжидал, а когда зима сковала реки, «князь же с сыном и братиею и со всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще, яко на тех полях с ними бой поставим». Судьбу России было намечено решить под Боровском. Однако до боя не дошло, хан Ахмат поспешил увести свое оголодавшее войско восвояси...

Но еще не раз налетали степняки, неподалеку проходила граница с Литвой. Ходил из Боровска биться за Смоленск Василий III. Рос

город, росла рядом и каменная крепость — Боровский Пафнутьев монастырь. Грозны когда-то были его стены и башни — Тайницкая, Георгиевская, Оружейная... Всегда считалось, что строил крепость знаменитый государев мастер Федор Конь, который возводил стены и Смоленска и Белого города — Москвы. Знатoki видели в этой боровской цитадели руку великого «горододельца». Но уже в XVII веке ее подновлял Трофим Шарутин, тоже знатный мастер. Видимо, сильно она была разрушена в лихие для России годы Смутного времени. Чего стоит один лишь эпизод боя воеводы Михаила Волконского с войсками Лжедмитрия II и Сапеги!

29 декабря 1609 года ЛжеДмитрий II, прозванный «Тушинским вором», переодевшись в крестьянское платье, бежал на дровнях из Тушина вместе со своим шутом Петром Кошелевым в Калугу, где его встретили приветливо и поселили в одном из лучших домов. Туда же потянулись иностранные авантюристы и русские изменники. Приехала и Марина Мнишек, готовая на все, лишь бы удержаться на московском престоле. Явилась на коне, в красном польском кунтуше, с саблей и с пистолетами за поясом. Теперь очередного Лжедмитрия уже называли «Калужским царьком». Город гудел от пиров и празднеств.

И снова надумал самозванец идти на Москву, уплатил жалованье полякам почти за год вперед, и пошла разбойная вольница, грабя встречных и поперечных, пока на пути ее не встал город Боровск.

Тут-то ее ждал отряд князя Михаила Константиновича Волконского да воевод Якова Змиева и Афанасия Челищева. Стены Пафнутьева монастыря устояли бы против польских улан, да «вложи враг

в воевод мысль злую», открыли на десятый день обороны предатели ворота во Входной башне, что и теперь называют «башней измены». Волконский сражался до последнего и был изрублен уже в соборе, у могилы Пафнутия. В летописи говорится, что в битве 3 июля 1610 года пало 12 тысяч защитников монастыря.

В память об этом событии уже при Екатерине II в 1777 году городу был дан герб: на серебряном щите червлёное сердце с золотым крестом и лавровым венком (геральдика говорит, что серебро — чистота намерений, сердце — любовь к Родине, крест — вера в победу, венок — мужество, отвага, слава).

Лжедмитрий II кончил плохо. Пришлось ему с Мариной и атаманом Заруцким вернуться в Калугу. Он уже хотел было податься в Астрахань и стать во главе государства донских казаков и ногайских татар. Но ногайский князь Петр Араслан Урусов решил по-своему. Убил он вора на охоте, Марина, уже беременная тогда от Лжедмитрия, призывала калужан истреблять татар, да уже опомнились русские люди, стали ополчаться на захватчиков и примыкать к движению, возникшему в Нижнем Новгороде...

Сражались здесь и войска князя Дмитрия Пожарского.

А в 1812 году тут действовали партизаны Дорохова, Сеславина, Фигнера. Когда стал Наполеон готовиться к уходу из Москвы, Кутузов занял с армией находившееся неподалеку село Тарутино и перекрыл дороги на Тулу и Калугу. Французы получили трепку и отступили, но куда? За Боровской дорогой следил Сеславин, спрятавшись на опушке леса. Он увидел колонну французской гвардии и самого Наполеона, шедшего на Боровск. Русская армия поспешила наперехват к Малоярославцу. Французы грабили Боровск, а император стоял на балконе сохранившегося до сих пор дома и все смотрел в сторону Тарутина, но ничего, кроме багрового неба, не видел. Что думал он тогда? Станный, мол, народ русские. Он ли, Бонапарт, не был великодушен? Вся Европа признала его величие и гуманное отношение к побежденным! (А в Боровске после пребывания там французов из 800 домов осталось 120).

Через несколько дней казаки Платова атаковали на Боровской дороге обоз, не зная, что в сорока шагах от них ехал сам Наполеон со свитой.

Чудом спасся император, который вместе с Неем и Коленкурром вынуждены были обнажить шпаги. Денис Давыдов потом рассказывал: «Если бы они (казаки — Д. Ж) знали, за кого они, так сказать, рукой хватались, конечно, не променяли бы этой добычи ни на какие пушки и обозы».

„Дом Наполеона“ в Боровске. Здесь в октябре 1812 года император Франции останавливался дважды

В «Калужских губернских ведомостях» от 26 апреля 1911 года нашел я письмо волостного писаря П. Тяпугина, который рассказал о преданиях, сохранившихся у местных крестьян об Отечественной войне 1812 года, о том, как прятались они от французов, которые захватывали и жгли церкви и дома, грабили население, и о том, что происходило в деревне Городня, что под Боровском, где Наполеон останавливался в избе. И вот что еще сообщил писарь Тяпугин:

«Крестьянин Иван Герасимов, тоже старожил, письмом, присланным мне, дополняет, что Наполеон пришел в Боровск в базарный день и приказал стрелять из орудий холостыми зарядами. Бывший на базаре народ, испугавшись, немедленно разъехался по до-

мам. Приезжали затем в Городню казаки и выгоняли народ и приказывали убирать хлеб и все имущество. Наполеон, дойдя до Городни, остановился в избе на том самом месте, где он живет сам (на горе)».

Городненская остановка верна и исторически. Она вдохновила художника В.В. Верещагина. На выставке 1900 года в Москве была между прочими картина этого художника-мыслителя под названием «В Городне. Пробиваться или отступить?».

Картина изображает: крестьянская, с двумя окнами, изба. За столом, опустивши голову над картою, сидит Наполеон. Около стола стоят несколько генералов. На дощатом полу разбросаны около стола свертки карт. Фигура Наполеона невеселая.

*Казаки генерала
А.А. Карпова
вытесняют
арьергард
французов
из Боровска*

В комментариях к картине говорится следующее:

«Донесено Наполеону, что русские, по-видимому, намерены обойти правое крыло армии по Медынской дороге. Значит, надо отчаянно пробиваться или отступить.

В 11 час. вошел в избу маршал Боссиер, которого Наполеон посылал осматривать расположение русских сил в г. Малоярославце, и объявил, что позиция русских неприступна.

— О боже мой! — воскликнул Наполеон, скрестив руки. — Да хорошо ли вы их осмотрели? Ручаетесь ли вы за то, что говорите?

Тот повторяет и утверждает, что на этой позиции достаточно отряда в 300 гренадер, чтобы задержать целую армию.

Боссиер и другие маршалы решаются дать совет отступить. Император, выслушав разные мнения, спрашивает графа Лобо:

— А ваше мнение?

— Мое мнение, ваше величество, отступить кратчайшим путем, и как можно скорее: чем скорее, тем лучше.

Наполеон, скрестив руки, опустив голову, так и остался недвижим, погруженный в печальные мысли. Нет сомнения, что его предупредили и задуманный план не удался. Еще вчера ведь дорога в Малоярославец была свободна, а он не занял ее, промедлил.

Три часа думал Наполеон в д. Городне и в конце концов решил идти. Вот почему Наполеон на Городненской горе остановил свою армию на целых 3 часа.

Кроме этого, около д. Городня нашими казаками, как исторически известно, сделано было нападение на армию Наполеона, результатом которого было отбитие неприятельских орудий и чуть не плен самого Наполеона. Было о чем подумать императору.

Есть основание полагать, что между Городнею и с. Тимашево на походе французской армии нашим разъездом (забыл фамилию начальника) был выхвачен французский солдат, через которого и было открыто, что Наполеон находит-

ся в полном отступлении, со всей армией, о чем в ту же ночь было донесено Кутузову, находящемуся в с. Тарутине, в расстоянии 30 верст от Тимашева. Последствием этого замечательного подвига, смелости и находчивости начальника разезда, как известно, получилось то, что Кутузов в ту же ночь двинул свою армию к Малоярославцу, в котором в это время был только незначительный отряд русских. Как ни спешил Наполеон прийти к Малоярославцу раньше Кутузова, но этого ему не удалось сделать благодаря подвигу доблестного патриота Беляева, задержавшего Наполеона под городом 3 дня и тем давшего возможность Кутузову прийти на место вовремя.

С этого момента спасение России и освобождение Европы стало совершаться и идти по пути, указанному Провидением.

Заканчивая эту корреспонденцию, я заблаговременно извиняюсь в том, что допустил некоторые рассуждения, может быть, и не вполне согласные с историческим ходом событий, в чем меня читатели простят».

Что же, волостной писарь оказался неплохим рассказчиком, и его не стыдно цитировать.

Существует в народе и легенда о Титовом пруде, что между большаком и рощинской молочно-товарной фермой. Увели у французов в Боровске едва ли не императорского скакуна. Тогда они взяли в городе и окрестных деревнях двенадцать старейших жителей и заперли в церкви Бориса и Глеба до тех пор, пока лошадь не найдется. Один из крестьян принял вину на себя, и его утопили в пруду. Звали крестьянина Тит Федоров.

Наполеону было не понять упорства русских, участия в войне не только солдат и казаков, но и простых мужиков и даже женщин и детей.

Так было, так будет.

Мне вспомнилось Куликово поле, куда стекались «старые и малые», где в Большом полку среди тех, кто принял на себя страшный удар отборной татарской конницы и генуэзских наемников, были сотни тринадцати-четырнадцатилетних мальчиков, и почти все они погибли ради исторической победы, положившей начало могуществу России. Вспомнилось Бородино и генерал Николай Раевский, который сам с пятнадцати лет проходил казачью науку «обхождения с неприятелем» и взял с собой в действующую армию сыновей — Александра и даже одиннадцатилетнего Николая. Под Салтановкой генерал пошел с детьми во главе колонны в атаку на французские батареи. Младшего он взял за руку, а Александр подхватил знамя, выпавшее из рук убитого прапорщика. Замешкавшиеся было под картечью войска уже ничто не могло остановить...

Монастырские клады

Клады — всегда дело занятное. Кто не мечтал найти клад? Ради кладов предпринимались сотни экспедиций, о поисках сокровищ написаны тысячи книг. И о Пафнутьевом монастыре ходят легенды — о подземных ходах, о тайных кладовых.

И доля этих легенд оказалась правдой.

Клады находили. По большей части грудки металлических кружков с зеленым налетом, сохранившихся со времен Ивана Грозного и Бориса Годунова. И более поздних.

А потом в самом Боровске был случай. Копал экскаваторщик траншею на улице Степана Разина, и попал в ковш кувшинчик с серебряными монетами. Рабочие разбили его, часть монет ссыпали в стеклянную банку, а часть рассовали по карманам. А потом спрашивают, дадут ли им вознаграждение за находку клада. Заставили их все вытряхнуть из карманов.

Совсем недавно, в 1982 году, в монастыре рабочие-реставраторы нашли кувшинчик с серебряными монетами. Составили акт и отправили кувшин в Калужский краеведческий музей. Таких случаев было немало, но главное событие случилось в марте 1956 года, когда стали ремонтировать пол в трапезной. Подняли плотники старые половицы, а под ними увидели кирпичный свод. Только часть кладки в нем была разобрана. Под этим сводом — еще свод. Зажгли спичку и видят: тряпки какие-то. Вытащили две ризы, в которые был завернут клад — около трех пудов золотых и серебряных вещей, драгоценных камней. И опять нашедшие клад не получили вознаграждения — кое у кого появилось искушение припрятать вещичку-другую в карман. Судить никого не судили, а вот из-за жадности и незнания закона люди сами себя лишили положенной им доли в советских рублях... Вызвали милицию, составили акт о находке, устроили выставку вещей для местного населения, взбудораженного известием о кладе, и теперь эти бесценные вещи хранятся, видимо, где-то в государственных кладовых...

Остается добавить, что стоимости и малой части клада хватило бы на то, чтобы полностью окупить реставрацию монастыря и даже привести в божеский вид обветшавший Боровск.

В марте 1956 года плотники нашли под полом не слитки золота и серебра, а больше сотни крестов, чаш, ковчегов, финифтей, окладов, кадил, подсвечников и других предметов самой что ни на есть мастерской ювелирной работы. Возраст иных из этих драгоценностей исчислялся сотнями лет. Дарили их монастырю князя Лыковы-Оболенские, Репнины, Мезецкие, Щербатовы... Мастера вычеканили на поделках имена вкладчиков, а на некоторых и себя не забыли. «Писал сии штуки финифтяный мастер Сергей Никитич Попылитов». Искусником в работе с серебром был «Семен Петров сын Кузов», изделия которого давно уже стали экспонатами Исторического музея и Оружейной палаты. Под полом же был и железный ящик, наполненный медными и серебряными монетами. И к ним приложена опись, помеченная 1919 годом.

В этом ящичке были медные монеты достоинством в основном от одной до пяти копеек. А все вместе они составляли изрядную сумму — несколько сот рублей. Вспомнились стихи Некрасова:

*...И дают, дают прохожие.
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божие
По лицу земли родной...*

Да, копейки — это крестьянские трудовые деньги. Но, конечно, не они были основой благосостояния монастыря, который получал богатые царские и боярские вклады, имущество по духовным завещаниям (особенно за право быть похороненным на территории обители), и, наконец, есть сведения, что только в 1744 году за монастырем числилось 11 тысяч душ крепостных крестьян. Всякие люди были среди монахов — одни трудились и постились, другие наедали пузо на даровых хлебах, но все-таки главная часть денег шла на возведение

прекрасных зданий и приобретение у живописцев и ювелиров произведений их искусства.

Вот докладная комиссии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, осмотревшей Боровский Пафнутьев монастырь в начале февраля 1919 года. Она приняла меры по охране храмов, ризницы и памятников древнерусской живописи. В монастыре комиссия нашла разор и описала его. Меня заинтересовала концовка докладной.

«И среди этой безотрадной картины счастливым островом оказалось загадочное по своему назначению подвальное помещение под церковью Рождества Христова (теплая). Оно представляет собою четыре общих зала с крещатыми сводами, разделенное капитальными стенами. Кирпичная кладка имеет все признаки XV—XVII вв. По стенам, необычно толстым, устроены небольшие камеры. Остатки петель и пробоины засова говорят о железных дверях. В одной из них, по преданию, был заключен прот. Аввакум...»

Об «огнепальном» протопопе Аввакуме и боярыне Морозовой я уже писал.

И еще я прочел в докладной об этом подвале, что «над входом в северный зал, в месте между пилонами, внимание комиссии обратило больших размеров изображение Нерукотворного Спаса на белом плате. При ближайшем осмотре оказалось, что эта фреска хорошей сохранности, старого письма, в стиле и манере ферапонтовских».

Когда погибли эти работы Дионисия?

В той папке есть описи произведений искусства (по двести предметов) и стопа мандатов, дававших разным людям право изъятия ценностей и отправки их за границу.-

Но что же стало с монахами, которые жили в обители до революции? И об этом сказал один красноречивый документ. Они образовали Пафнутьевскую сельскохозяйственную коммуну, а когда в 1922 году монастырь передали в распоряжение Главмузея, на общем собрании просили предоставить им возможность по-прежнему

Уверяют, что темная
каминатенка под
трапезной — это та
самая «палатка»,
в которой сидел
отбывавший здесь
заключение протопоп
Аввакум, знаменитейший человек в России,
политический деятель, оратор, гениальный
писатель

заниматься крестьянским трудом на тех же землях. С 1929 года монастырям, этим замкнутым стенами пространствам, стали находить другое применение, тюремное...

Хоть и существует запрет водить экскурсии в трапезную — одно-столпную палату, почти не уступающую по размерам знаменитый Грановитой, построенной в Московском Кремле, лишь на двенадцать лет раньше, но порой мы пробираемся туда, где найден богатейший клад и где, при громадном помещении, окошки малы, а очень светло даже в пасмурный день. По нынешним нормам окна должны быть такие большие, что составляют они одну четвертую или одну шестую площади пола помещения. А в палате они не доходят и до одной пятидесятой. Сохранять надо было тепло (в толстых стенах уже в XVI веке сделано калориферное отопление), и от маленьких окошек проемы расширяются внутрь как раструбы, свет многократно отражается от точно рассчитанных сводов, и оттого его так много.

Древние здания — самый большой клад, оставленный нам предками. О том, что делать с монастырем, двух мнений быть не может.

Любопытно, что при побелке одного из этих помещений от свода отвалился кусок штукатурки, а под ним оказалась старинная настенная живопись. Когда реставраторы расчистили ее, то глазам предстала удивительная для монастыря картина. Было изображено устройство Вселенной по Птолемею. Семь планет, вращающихся, по старинному представлению, вокруг Земли. И надписи указывают, что до Луны «100 тысяч миль», до Венеры «600 тыс. миль». И так до Юпитера, Солнца, Меркурия, Марса, Сатурна. Видно, что был класс монастырской школы. Роспись сделана в 1824 году — за 11 лет до запоздалого снятия церковью запрета на учение Коперника.

Старообрядцы

Уверяют, что темная комнатенка под трапезной — это та самая «палатка», в которой сидел отбывавший здесь заключение протопоп Аввакум, знаменитейший человек в России, политический деятель, оратор, гениальный писатель. Родился он, по-видимому, в том самом 1621 году, когда в «Дозорной книге» писец наскреб перышком:

*«Город Боровск на реке на Паратве рублен городнями, а у города двои ворота — одни косые к торговищу двумя за-
творы, а другие ворота к реке Паратве прямые с одним за-
твором; а на обоих воротах башни, в городе ж 4 башни глу-
хих, да у города ж к реке к Паратве тайник...»*

А скелет боярыни Морозовой, скончавшейся в Боровской яме от голода, еще сто лет тому назад покоился под каменной плитой с выбитыми на ней буквами:

«Лета 7183 (1675) погребены на сем месте сентября во 11-й день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его — княгиня Евдокея Прокофьевна да ноября во 2-й день боярина Глеба жена Ивановича Морозова боярыня Феодосия Прокофьевна, а во иноце(х) инока Феодора, а дочери обе окольного Прокофия Феодоровича Соковнина а сию ЦКУ (доску. — Д. Ж) положили на сестрах своих родны(х) боярин Федор Прокофьевич да окольной Алексей Прокофьевич Соковнины».

В дореволюционной России старообрядцы, лелеявшие память протопopa Аввакума и боярыни Морозовой, долгое время преследовались церковью и правительством. Но различные толки старообрядчества крепили. В тайне многие искали выхода из обыденности. Крестьяне, примыкая к «старой вере», бежали в вольные края, на Север, за Урал, на Кавказ. Они пополняли казачество, обживали новые земли, расширяли пределы страны. Казаки-старообрядцы были заводилами в восстаниях вроде пугачевского.

В лесах и дальних краях крестьяне на барщину не ходили, оброка не платили. Власти понимали, что не только приверженность к двуперстному кресту, дониконовским обрядам гонит их в дальние края. Было еще чувство собственного достоинства, непокорство. Уже при Екатерине II митрополит Платон писал старообрядцам:

«За веру вас не гонят, а посылают по вас команды для того, что вы, убегая в леса, государю служб не служите, да ней не платите, дома сродников и помещиков оставляете, и для того государи наши посылают по вас команды...»

Связанные тайными узами, старообрядцы помогали друг другу по всей России, завели обширную торговлю, а потом и промышленность, имели своих агентов — «благодетелей» в правительственных верхах.

*Часовня-памятник
на боровском Городище,
на месте гибели боярыни
Морозовой и ее сестры
княгини Урусовой*

Боровск, связанный с именами Аввакума и боярыни Морозовой, привлекал старообрядцев. По большей части зажиточные купцы и ремесленники, они строили здесь свои соборы, а после революции 1905 года, когда царским манифестом была объявлена веротерпимость, немало их вошло в городскую думу, которая в апреле 1909 года постановила отвести 24 квадратных сажени на Городище (это тот самый насыпной холм, где некогда стоял боровский кремль), на месте могилы княгини Урусовой и боярыни Морозовой, «для имеющейся в недалеком будущем постройки памятника-часовни на их могиле». Часовню так и не построили... (Построили все-таки сравнительно недавно (Д.Ж.).

Некогда в слободе Рябушки, входившей в черту города Боровска, жили старообрядцы Стекольщиковы. От названия слободы и взяли

они новую фамилию — Рябушинские. Разбогатели, нажили миллионы, владели множеством текстильных фабрик и банков, а один из отпрысков этой семьи, Павел Павлович Рябушинский, стал лидером российской буржуазии, да таким известным, что ему и его роду посвящена сравнительно большая статья в последнем издании Большой Советской Энциклопедии.

Старообрядцы держались обособленно. Однако летопись города хранит историю боровских Монтекки и Капулетти. Восемнадцатилетний старообрядец, купеческий сын Капырин, влюбился в семнадцатилетнюю девушку из православных. Против воли родителей он с ней поехал в село Красное и сочетался браком. Его отдали под суд за венчание в православной церкви. История кончилась бескровно. Молодец послал суд куда подальше и уплатил за это штраф в пять рублей. На том дело и кончилось. Времена наступали другие... Старая вражда между толками православия выливалась теперь в бескровные диспуты в Пятницкой церкви. На одном из них епархиальный миссионер И. Жаров затронул древние боровские события.

— Главной причиной заключения Морозовой и Урусовой в тюрьму служило дерзкое оскорбление царской власти и злохульное поношение святой православной церкви... — сказал он. — Морозова несколько лет чинила неприятности и оскорбления тишайшему государю Алексею Михайловичу. Эта Морозова и подобные раскольнические тогдашние мученицы в глазах правительства того времени были то же самое, что грозные современные боярыни с пенсне на носу, бомбометательницы в верных слуг царя, которых за то подвергают заслуженной каре — ссылке в Сибирь и даже смертной казни...

Почтенный священник в своем обличении-доносе намекал на Софью Перовскую и Веру Засулич. Для Боровска и всей страны наступали новые, весьма жестокие, времена, если за четверть века до них был убит царь Александр Второй, а его отец за полвека до этого гулял по Невскому проспекту без всякой охраны.

Боровекшй летописец

До революции в Боровском уезде пребывал «заведывающий метеорологическою станцією в деревне Большой Литовке» Николай Поликарпович Глухарев.

Он надумал стать летописцем Боровска. Начал он с того, что решил узнать местоположение города на земном шаре и послал запрос об этом в Петербург, в Главную физическую обсерваторию. Ответ за подписью директора обсерватории академика М. Рыкачева гласил: «Николаевская Главная Физическая Обсерватория имеет честь сообщить, что северная широта г. Боровска такая-то, а восточная долгота от Пулкова 60° 12' или выраженная во времени — 24 мин. 48 сек».

Казалось бы, определившись в пространстве, легче было ориентироваться во времени. Но дальше дело пошло туго. Время застыло в Боровске, хотя вроде бы город и не обижен историей.

«Но так как труд очень громадный, требует много времени для работ, — писал Глухарев, — то, чтобы работа шла успешней, я через газеты обратился с просьбой ко всем жителям города Боровска и его уезда и ко всем лицам, могущим прийти мне на помощь, о присылке мне сведений, какие они найдут в литературе, а также описания документов, присылке фотографических карточек разных видов города Боровска и его уезда и т. п. материалов. Но к сожалению, я ничего не получил и приходится работать одному».

Потерпев такую неудачу, Глухарев на свой страх и риск порылся в уездном архиве и записал со слов старожиллов несколько легенд. Добытые сведения он поместил в двух тоненьких выпусках, отпечатанных в местной типографии. Документы в «Материалах для истории города Боровска и его уезда» исчерпывались тем немногим, что уцелело после нашествия французов в 1812 году и многочисленных пожаров, опустошавших то и дело деревянный в основном городок. Безо всякой хронологической или иной системы они повествовали о торговле крепостными людьми, о волнениях в связи с «лживыми

разглашениями на счет мнимого освобождения крестьян», о производстве местных чиновников в очередные чины согласно табели о рангах, о закладках храмов, межах и тяжбах...

Сонный был городишко. Как и в сотнях других уездных городков Российской империи, жители его во время свадеб били посуду на счастье; в последний день масленой недели жгли солому и водили хороводы вокруг костров; мазали дегтем ворота домов, где жили легкомысленные девицы или вдовушки; украшали в троицын день дома срубленными зелеными березками; сиживали минутку всей семьей, провожая кого-нибудь в дорогу...

Заневестившиеся девицы на Новый год гадали о женихах: бросали башмачки через ворота — ляжет башмачок носком к воротам, то

*Купеческое чаепитие
на Молчановке в XIX веке*

в этом мясоеде свадьбы не будет, а если носком на улицу, то повезет; приносили в дом охапку дров и считали — четное число было счастливым; выбегали на улицу и спрашивали у прохожих имя суженого; лили расплавленный воск в воду и всматривались в тень получившейся фигурки, держа ее между свечкой и стеной; ставили чашку с водой и лучинкой сверху под кровать и зывали перед сном: «Суженый, ряженный, переведи меня через мост...»

Поверьям и приметам счета не было — боялись зайца или черной кошки, перебегавших дорогу, карканья вороны на доме, просыпанной на стол соли, пожатия рук через порог, встречи со священником или покойником, воя собаки, пения петуха в начале ночи... Зато радовались, если во время мытья полов пойдет дождь, если появятся в доме черные тараканы, если чешется ладонь, если находят подкову...

Вот такая жизнь встает со страниц глухаревских «материалов», тихая и сонная. И записал еще Глухарев легенду о том, что «преподобный Пафнутий стремился в своей жизни всегда к уединению, вследствие чего он оставил монастырь, Покрова Пресвятыя Богородицы, в селе Высоком, и ушел в глухое в то время место, где теперь монастырь, им основанный, и молил бога, чтобы Боровск никогда не процветал и был бы тихим местом».

Было время, когда город мог круто изменить свою судьбу. На переломе веков горожане хлопотали о том, чтобы через него прошла строившаяся тогда железная дорога, но местные купцы, по одной из версий, отказались пожертвовать на это деньги, боясь и суеты, и наезда конкурентов с дешевыми товарами. Так и остался город в стороне от прогресса. Но если приглядеться к его истории, то в этом болоте водилось много такого, от чего в наш просвещенный электронно-технический век только задумаешься и крикнешь. Пророческое, далекосмотрящее было. Духовная пища произрастала здесь, но долг был ее путь осознанию людей и незаметен поначалу. А потому и мы спешить не будем.

Полистаем старые газеты, посмотрим, как обустроивается территория будущей железнодорожной станции, и уразумеем, с чего начинается прогресс.

Газета «Калужский вестник» писала в 1897 году:

«Близ станции Балабаново уже началась постройка частных лиц. Первым предвестником обитания на необетованной земле является кабак с его «распивочно и на вынос». Между тем есть много проектов о сооружении гостиниц, базов, товарных складов и помещений».

Так у Боровска появился конкурент.

И еще мы узнаем, что базарными днями в городе были понедельник и четверг, что в год устраивалось четыре ярмарки, что город гордился своими мостовыми, бульварами, гуляниями в парке на Городище и в сосновом бору.

Любили местные жители обрыв на реке Оборенке, как любят его и сейчас. Там с крутизны открывается такой вид, что дух захватывает, особенно в мае, когда листва не заслоняет далее. Внизу рокочет река, а за ней — сиреневая полоса весенних берез, потом темно-зеленая масса елей, и далее, до бесконечности, леса, леса, возносящиеся на холмы, этакая русская Швейцария, если не бояться избитых сравнений...

Была там беседка, и захватывали с собой люди самовары. Правда, газеты требовали возведения над обрывом павильонов для продажи фруктов и прохладительных напитков, памятуя, видимо, что на гуляньях не ограничиваются чаем.

Боровск удостоивался внимания даже столичных газет и журналов. Сатирический «Будильник» осуждал увлечение его жителей пе-

тушиными боями — дикая, мол, забава, на что те будто бы отвечали: «Ну уж это дудки: мы без дикости жить не можем». А то сочинит «Будильник» такой диалог с членами городской управы:

— *Господа, обратите ваше внимание на городское освещение.*

— *Чего ж на него обращать?*

— *От фонаря до фонаря идти надо три дня.*

— *Для нас довольно и этих фонарей. Мы народ непросвещенный, и больше света нам не надо».*

Только в 1910 году, при городском голове купце П.Е. Капырине (знакомая фамилия), событий была тьма. Ограбили Успенский собор. Преступник залез в окно и выковырял из окладов 640 бриллиантов, но его поймали. Горели кожевенные заводы Головтеевых. Соорудили арку по случаю приезда великого князя Михаила Александровича, который посетил дом купчихи Писаревой, где с 15-го на 16-е октября 1812 года ночевал Наполеон. Земская управа 13 ноября почтила на своем заседании память Льва Толстого вставанием и послала телеграмму: «Боровская земская управа и санитарный совет скорбят о потере Льва Николаевича Толстого, в лице которого потеряли художника слова, борца за правду, свободу и обездоленных людей».

Не без влияния горячей пропаганды Льва Толстого шла в Боровске в то время яростная борьба с пьянством. Соперничая с кабаками, местная демократически настроенная интеллигенция открыла чайную на четыреста мест под флагом Комитета попечительства о народной трезвости и Общества любителей драматического и музыкального искусства (было в Боровске и такое). В большом помещении чайной нашлось место и библиотеке. Только в зиму с 1910-го по 1911-й год дан был 21 спектакль. «Власть тьмы» Толстого, пять пьес Островского... Билеты были очень дешевые, и фабричные охотно посещали чайную, в которой в дни, когда не было спектаклей, играла музыка, читались стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Никитина... Социал-демократы вели тут свою пропаганду, в чем начальство, как и в трезвости, не без основания усматривало подрыв основ и добилось-таки закрытия чайной, что, однако, не спасло основы...

Преображенский храм
с приделом
Параскевы Пятницы
на Торговой площади
в Боровске был разрушен
в середине 1950-х годов

Сколько поколений жителей Боровска мечтало о счастье, и всяк понимал его по-своему. Одни боялись жизни, почитали за счастье тишину, покой, неизменчивость. И жили, наливаясь беспокойством. Другие метались, искали перемен. И разочаровывались в них. Где она, эта сказочная птица-счастье, с ослепительным оперением и хвостом, что горит как жар? Ухватишь ее за хвост, а она улетит, оставит в руке перо, которое осветит всю округу, а потом погаснет, съежится, подернется пеплом, и опять придавит человека серое небо. Снег и тот покажется ему не белым — одну грязную солому и навоз примечает глаз...

О своем, о маленьком тут думается. А сам-то был счастлив? Выискиваешь в жизни счастливые дни, а находишь минуты. Мелькнет в тяжелой работе удача, улыбнешься, чтобы тут же нахмуриться в сомнении, способен ли докончить удачно начатое. Настоящая любовь тоже всегда беспокойна — часов, когда сердце саднит, в ней больше, чем минут ликования души и плоти. Дети и те много огорчений приносят, но разве не был ты счастлив, когда касался губами розовой пухлой щечки младенца, а он теребил твои волосы ручонками в перевязках и улыбался безмятежно?..

Но не было б никакой жизни на земле, ни движения, ни развития, если б не существовала вечно мечта о великом счастье, не своем, маленьком, а всеобщем. Только опять же понимает это счастье всяк в свое время по-своему, и если увлечет своей мечтой кого, то непременно до неистовства доходит, до пролития крови, до несчастья своего и других. Однако в борьбе этой мир все-таки меняется к лучшему, если посмотреть со стороны. Но никто со стороны не смотрит, каждый копит свой счет несчастьям, и борьбе нет конца. Будущность туманна, что бы ни говорили ясновидцы и философы.

До боровских философов мы еще дойдем. Может, именно они дали толчок некоторым идеям, неосознанно захватившим ныне все человечество... Не смейтесь — вы еще не знаете, в чем дело! Мы обращались к далекому прошлому, потому что идея всеобщего счастья едина. У кого нет прошлого, у того нет и будущего.

Перед административными зданиями, венчающими ныне насыпной холм, стоит скульптурная композиция — устремляющаяся ввысь ракета и бюст Циолковского. Кажется, что в строении колоколен предугадан порыв в космос, воплощена дерзкая мечта человечества. В этой устремленности в небо отражалась символически мечта о бессмертии.

В конце концов главный и безответный вопрос философии сводился для большинства живших в прежние времена к одному — кончается ли жизнь человека с его физической смертью или есть иная жизнь, в которой грешники получают по заслугам, а праведники торжествуют? Никаких доказательств существования мира, откуда, по словам автора «Гамлета», еще никто не возвращался, не было, и разум порождал фантазии, питавшие, в свою очередь, искусство. Человек творил красоту, соревнуясь с природой, и кто становился вровень с ней хотя бы в частице ее созидательной силы, того мы называем теперь гением.

В космос!

До сих пор не знаю, по каким вехам прочерчивать историю Боровска. Она так далеко уходит в будущность человечества, что и не история она для меня вовсе, а нечто единое целое, словно монолит. Ветхи дома, на которых висят доски о том, что здесь квартировал Константин Эдуардович Циолковский. Старо здание бывшего уездного училища, в котором преподавал он. Стоит здание на том самом рукотворном холме с крутыми откосами... Но постойте, в этом же училище задолго до Циолковского преподавал историю и географию Николай Федорович Федоров, первый из задумавшихся о покорении космоса, человек, покровительствовавший Циолковскому. Тот говорил: «Федорова я считаю человеком необыкновенным, а встречу с ним — счастьем». Говорил он и о том, что Федоров «заменил университетских профессоров, с которыми я не общался. Я тогда юношески мечтал о покорении межпланетных пространств, мучительно искал пути к звездам, но не встречал ни одного единомышленника. В лице же Федорова судьба послала мне человека, считавшего, как и я, что люди непременно завоюют космос».

В «Чертах из моей жизни» Циолковский вспоминал, как, в десять лет став глухим, с четырнадцати занимался самостоятельно, в шестнадцать лет приехал в Москву, где прожил три года.

«В Чертковской библиотеке я однажды познакомился с одним из служащих. Он давал мне запрещенные книги. Потом оказалось, что это известный аскет Федоров, друг Толстого, изумительный философ и скромник. Федоров раздавал все свое крохотное жалованье беднякам. Теперь я понимаю, что и меня он хотел сделать своим пенсионером».

Последнее время имя Федорова вспоминают все чаще. Вспоминают, как Лев Толстой гордился, что живет «в одно время с подобным человеком». Вспоминают, что Достоевский мысли Федорова «прочел бы как свои». Вспоминают, что Максим Горький называл его «замечательным, своеобразным мыслителем».

Не мешало бы вспомнить и мысли Федорова о памяти человеческой, о звеньях, соединяющих бывшее, настоящее и будущее. Он считал, что все печатные памятники эпохи, вплоть до самых ничтожных — календарей, проектов, уставов, объявлений, афиш, должны быть сохранены.

В одной из неопубликованных статей, «Уважал или презирал книгу XIX век», он писал:

«Книга как выражение слова, мысли и знание занимает высшее место среди памятников прошедшего; должна она занимать его и в будущем, которое призвано стать делом возвращения прошедших поколений к жизни, и лишь тогда книга с этого первого места снизойдет на последнее, когда то, что было лишь в книге, то есть только в мысли и слове, станет живым делом человечества».

Впрочем, сказанного не понять без хотя бы очень краткого изложения сути философских раздумий Федорова, собранных в 1903 году, в книгу «Философия общего дела», в которой он бунтарски переосмысливает вопрос жизни и смерти и создает план «регуляции

природы». Он предшественник советского академика В. И. Вернадского, который вместе с другими выдвинул в XX веке идею сознательного управления эволюционным процессом.

Мы эксплуатируем природу, подходим к ней утилитарно, что в конце концов ведет к ее разрушению. А что, если сосредоточить усилия на познании человека и усовершенствовании его, что, если переустроить самый организм человека, что, если раскрыть тайну наследственности? Если человек поймет себя, расшифрует генетический код человечества, то появится возможность «восстановить из себя тех, от коих рожден сам». Появится возможность воскрешения предков.

Слово «воскрешение» ошеломляет. За ним чудится нечто сверхъестественное. Но ведь бессмертие — извечная мечта человечества.

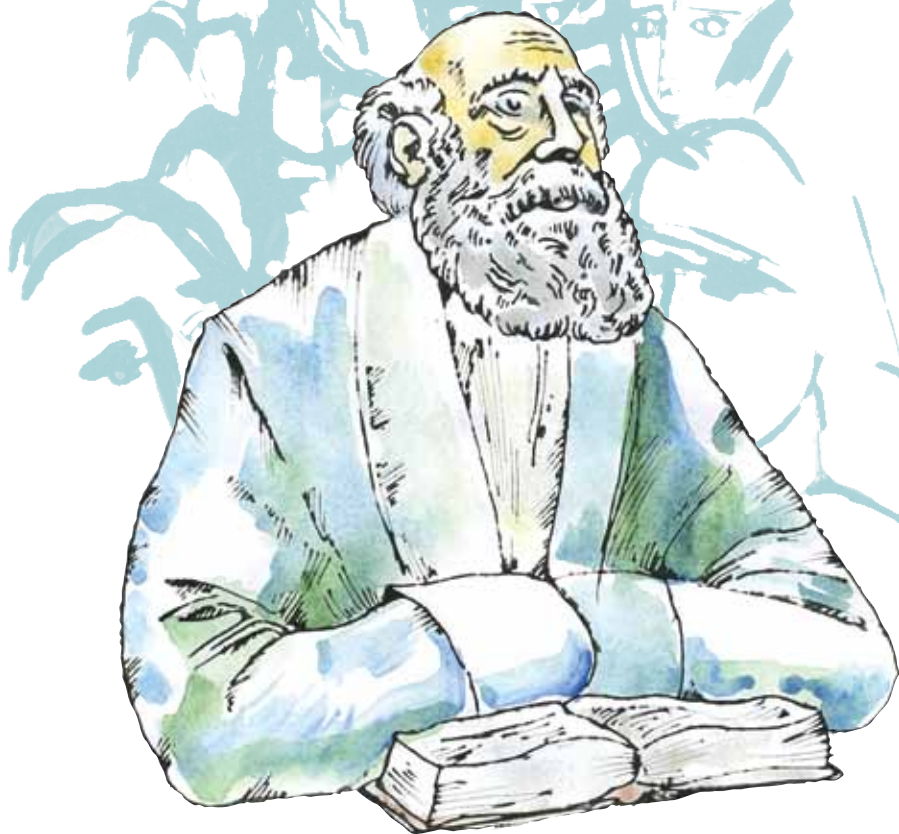
А тут ее предлагают решить материалистически. Разумеется, это утопия, фантастика. Может быть, потому ее приняли серьезно не трезвые ученые, а классики нашей литературы. Идеи Федорова вдохновляли и поэтов. Брюсов писал о них:

«Смерть и воскресенье суть естественные феномены, которые она (наука.— Д. Ж) обязана исследовать и которые она в силах выяснить». Маяковский, читавший Федорова, мечтал в поэме «Про это» о мастерской «человеческих воскрешений» и взывал к далекому потомку: «Воскреси!»

«Смерть и воскресение суть
естественные феномены,
которые она (наука. — Д. Ж)
обязана исследовать и которые
она в силах выяснить».

Николай Федоров

Человечество разрослось и распалось, но предки у живущих общие. Все мы из одной семьи, и забывать о своем родстве не надо. Воскресить отцов — наше «общее дело», наш высший долг. Надо преодолеть, как говорил Федоров, «ненавистную раздельность мира и все проистекающие из нее последствия». Федоров мыслил гигантскими категориями, в них опускались «частности» вроде различных видов угнетения и тех, кто управляет их механизмом. Но живет мечта об идеальном обществе, где люди, совершенно и гармонично развитые, станут истинными братьями, и тогда многое из того, что мы считаем сейчас фантастикой, может стать явью...

Федоров мечтал об управлении ветрами и дождями для хозяйственных нужд, об овладении энергией Солнца. Да и сам земной шар, считал он, станет двигаться по воле человека («человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугой, экипажем нашего земного — неизвестно еще, какую силою приводимого в движение, — корабля»).

Федоров верил, что для труда человеческого не существует границ. Не только на Земле будет трудиться человек, но и на неисчислимых мирах вне ее. Население Земли умножается, земные ресурсы истощаются, придет время ослабления деятельности Солнца. Человеку непременно придется заняться «отысканием новых земель». К тому же где расселить мириады наших предков, если их удастся воскресить?

В своих философских построениях Федоров заходил так далеко, что иные из идей творцов современной научной фантастики кажутся недостаточно фантастичными. Он не ограничивался «телесными крыльями», то есть чем-то вроде ракет, когда говорил о перемещениях в космосе.

Вы только послушайте, что он говорил:

«Человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы».

Кто как понимает, а по мне, это означает, что человек с его разумом при покорении космического пространства сможет перевоплощаться, строить свое тело из любого вида материи, включая плазму, чтобы проникнуть даже в пылающие звезды. В такие фантастические дебри еще никто не забирался...

Но если могущество человека будет так велико, не злоупотребит ли он им? Нет, говорит Федоров, эмоциональная сфера человека изменится коренным образом с установлением всеобщей родственности и братства.

Великое знание породит идеальное общественное устройство, психократию, власть психеи, внутренней силы чувства, а не внешнего юридического закона.

Сейчас человечество тратит лучшие свои силы на подготовку к войне. И мысль Федорова получает неожиданный поворот. Надо не разоружиться, а перевооружиться. Армия организует, она аккумулировала в себе громаднейший опыт научного и технического развития. Она самоотверженна и сплоченна. В новых условиях ей по плечу решение космических задач, надо только *«дать истинно братский исход накопившимся громадным силам и всякого рода горючим материалам вместо того, к чему все это готовилось, т. е. вместо войны»*. К тому же армия на первых порах — это организующее начало, это дисциплина и порядок, это гарантия против психических аномалий, против проявлений зла. «Нужно не бросить меч, а перековать его на орало, не бросить оружие, ибо его могут поднять и обратить против нас же».

В Боровске философ жил и учительствовал в шестидесятых годах XIX века. Никто не знает, у кого он жил. И почему именно в этом городке? Таким, впрочем, типично русском и вольно или невольно влекущем к себе людей не совсем обыкновенных. Бывают совпадения... Их никто еще не объяснил. Из небольшой округи в нижегородских пределах вышла едва ли не половина крупных духовных деятелей XVII века — от патриарха Никона, протопопа Аввакума и до живописца Симона Ушакова. Или, например, Оптиная пустынь связана с именами Льва и Алексея Толстых, Гоголя, Достоевского, Киреевских и многих других.

Зато как жил Федоров, известно. Не было у него никакого имущества, ни постели, даже подушки. Питался он тем, что подавали ему хозяева, а учительское жалованье раздавал беднейшим из своих учеников. Воспользуемся легендами о нем, не привязанными к месту и времени. Известен случай, когда тяжело заболел отец одного из учеников Федорова, а денег на лечение не было. Федоров отдал все, что у него было, но больной все же умер, и учителю пришлось продать свой единственный вицмундир, чтобы оплатить похороны. На урок он явился в рваном тряпье, а тут, как на грех, приехал в училище важный ревизор из столицы и, шокированный нищенским видом учителя, потребовал его немедленного увольнения. Еле отстояло Федорова училищное начальство.

Весной 1866 года Федоров был арестован по делу Каракозова, покушавшегося на царя, но вскоре его освободили. Боровское уездное училище стало последним в преподавательской деятельности философа. Только наступили летние каникулы 1867 года, и он ушел в Москву, проделав весь путь пешком.

Ко времени пребывания Федорова в Боровске его учение в том виде, в каком мы его знаем, уже сложилось. За сто лет до выхода Гагарина в космос. Помнится, мы с улыбкой читали о том, как некоторые зарубежные газеты, помещая портреты нашего обаятельнейшего Гагарина, утверждали, что он едва ли не из рода князей Гагариных, восходящих к самому Рюрику.

Наш Гагарин никакого отношения к княжескому роду не имел, а вот Федоров действительно был сыном князя Павла Ивановича Гагарина и, кажется, крепостной крестьянки, удаленной из княжеского дома, когда хозяин женился на известной актрисе Нимфодоре Семеновой, тоже бывшей крепостной. Образование Николай Федоров, принявший фамилию крестного отца, все-таки получил. Хотя он был и уволен во время выпуска из Ришельевского лицея в Одессе «за бунтарство», знания, приобретенные им самостоятельно, сделали его самым, пожалуй, образованным человеком в России. Это была ходячая энциклопедия, он знал европейские и некоторые восточные языки, включая китайский. Говорили, что он мог взять любую иностранную книгу и тут же вслух переводить ее на русский очень быстро и правильно.

Пятнадцать лет учительствования в городках среднерусской полосы, философских раздумий, и вот Федоров в Москве, сперва в Чертковской библиотеке, а потом в Румянцевском музее, ныне Библиотеке имени В.И. Ленина*, где он прослужил двадцать пять лет в читальном зале. И опять он раздает нуждающимся студентам свое жалованье, отказывается от прибавок, является на службу за полтора-два часа до открытия и уходит последним, не признает выходных, спит лишь по четыре часа в сутки, и на голом жестком сундуке, без подушки, не знает развлечений, до любого конца Москвы добирается только пешком, зимой и летом носит только старенькую легкую кацавейку. Хлеб или баранки с чаем без сахара — его единственная еда.

Жил он так до семидесяти пяти лет, всегда был бодр, никогда не болел, и только однажды в жестокий декабрьский мороз друзья насильно одели его в шубу и посадили на извозчика, что было противно его образу жизни,— он вспотел, простыл, заболел воспалением легких и умер.

Он жил для дела и забывал обо всем прочем. Он был аскетом, но не отшельником. Он любил людей и отдавал им все свое время. Хотите верьте, хотите нет, но современники уверяли, что он знал не только названия всех книг библиотеки, но и содержание их. Русские ученые могли получить его совет в любой отрасли знаний — от востоковедения до военно-морского дела. А писатели...

О писателях уже шла речь. В «каталожной» Румянцевского музея у Федорова побывало много литераторов и философов. Илья Львович Толстой вспоминал: «Отец, всегда пылкий и несдержанный в разговорах, выслушивал Николая Федоровича с особенным вниманием и никогда с ним не горячился». Или вот отрывок из письма А.А. Фета, которое тот отправил Федорову в 1887 году:

«Я никогда не забуду слов Льва Николаевича, относящихся к Вам в те еще времена, когда мы так дружелюбно сходились

* 22 января 1992 года указом Президента РФ ГБЛ была преобразована в Российскую государственную библиотеку. Тем не менее над центральным входом в библиотеку была сохранена плита со старым названием.

с Вами и беседовали у него на квартире. Он говорил: «Я горжусь, что живу в одно время с таким человеком». Много надо иметь духовного капитала, чтобы заслужить такие отзывы, ибо я не знаю человека, знающего Вас, который не выражался бы о Вас в подобном же роде. Если бы я не считал этого неловким, то смело включил бы себя в число таких людей».

Это — замаскированное объяснение размолвки двух великих людей. Федоров осуждал нравственно-религиозные искания Толстого. Самого Федорова тоже иногда называют религиозно-христианским мыслителем, основываясь на том, что, излагая свое учение, он переосмысливает ряд христианских образов, хотя уповает лишь на человека и его способности. Христианство и Федоров-материалист, порой даже вульгарный? Что привлекало его в христианстве? Ответ на этот вопрос пытается дать С.Г. Семенова в своем крайне интересном труде о мировоззрении Федорова:

«Из всех мировых религий только в христианстве — и это его безусловная метафизическая оригинальность — утверждается идея личного воскресения, восстановления буквального, в форме тела, каждой уникальной человеческой личности. Сама эта идея в радикально ином виде — без труб и фанфар Страшного суда, нелепой операции отделения чистых от нечистых, без всякого вмешательства божьей воли и любых сверхъестественных сил, — именно идея воскресения, высказанная в христианстве в форме мифа, привлекает Федорова».

С.Г. Семенова совершенно справедливо указывает на то, что Федоров был внутренне близок Фейербаху, который писал:

«Бог... есть уже то, чем человеческие индивиды должны быть и некогда будут,— поэтому вера в Бога есть вера в человека, в бесконечность и истинность своего собственного существа».

Идея выхода в космос
вытала в воздухе. Она
овладела молодым
Циолковским, который
совсем недавно еще
набирался знаний под
руководством Федорова,
а в январе 1880 года был
назначен учителем
арифметики
и геометрии
в Боровск

Идея выхода в космос витала в воздухе. И недаром она овладела молодым человеком, который совсем недавно еще набирался знаний под руководством Федорова, а в январе 1880 года был назначен учителем арифметики и геометрии в Боровске. Тощий, глухой, болезненный Циолковский чем-то настораживал обывателей, и немало ему пришлось поколесить по городку, в котором почти все улицы ведут либо в гору, либо под гору, пока не удалось снять квартиру у старообрядческого священника Евграфа Николаевича Соколова.

Уютный домик на берегу Протвы, чаепития у приятно посапывающего самовара, хозяйская дочь Варвара Евграфовна, потом Варя, в том же году ставшая женой Циолковского. Надо знать старообрядцев, их недоверие к чужакам, чтобы оценить обаяние, ум, такт молодого учителя, который сумел быстро покорить сердце девушки и получить согласие ее отца на брак. Трудно без боли читать такие строки Циолковского о своей глухоте:

«Она заставила меня страдать каждую минуту моей жизни, проведенной с людьми. Я чувствовал себя с ними всегда изолированным, обиженным, изгоем. Это углубляло меня в самого себя, заставляло искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презираемым...»

Сострадание неотделимо от женщины. Недаром у простого народа в то время слово «жалеть» было синонимом слова «любить». Варя и ее отец внимали речам молодого человека, мечтавшего о счастье для всего человечества, о чем говорит его первое юношеское, никогда не печатавшееся сочинение «Молитва».

В «Чертах из моей жизни» Циолковский сказал о своей женитьбе с прямолинейностью, которая может покорибить иного человека:

«Пора было жениться, и я женился на ней без любви, надеясь, что такая жена не будет мною вертеть, будет работать и не мешать мне делать то же. Эта надежда вполне оправдалась».

Еще в Москве молодой человек увлекся техникой, конструировал всякие машины, никогда не расставался с инструментами. Но мысль его парила в иных сферах, он думал о великом и вечном, о природе добра и зла, о смысле жизни и цели истории. Мы помним о его идеях, связанных с воздухоплаванием и реактивными летательными аппаратами, но совершенно забываем то, ради чего он взялся за это дело. Вот у него уже лежит рукопись сочинения «Вычисления и формулы, относящиеся к вопросу о межпланетных сообщениях», а в подзаголовке ее значится: «Вопрос о вечном блаженстве».

Заняться ему чистой наукой? Посвятить себя технике? Нет и нет, нужна «сверхцель». Потом, через много лет, мысли его найдут свое выражение во всемирно известной «Космической философии», но пока слушателей у него было всего двое.

«Венчаться мы ходили за четыре версты, пешком, не наряжались, в церковь никого не пускали, — продолжал Циолковский. — Вернулись — и никто о нашем браке ничего не знал.

До брака и после него я не знал ни одной женщины, кроме жены. Мне совестно интимничать, но не могу же я лгать. Говорю про дурное и хорошее.

Браку я придавал практическое значение: уже давно, чуть не с 16 лет, разорвал теоретически со всеми нелепостями вероисповедания».

Свадебного пира не было. Варвара Евграфовна согласилась жить с ним скромно, на одно жалованье. Что бы ни говорил Циолковский, в жене он нашел покладистого друга, верную помощницу — везет блаженным.

В самый день венчания Циолковский купил у соседа токарный станок и резал стекла для опытов.

Хотя он старался не привлекать к себе внимания, ходил по царским дням в собор, говел каждые четыре года, сослуживцы по училищу прозвали его Желябкой, намекая на то, что его взгляды не отличаются от взглядов известного революционера Желябова. Так он раз проговорился, доказывая сослуживцам, что ценит доброту, этику и философию Христа, а не веру в заклинания и чудеса. Донесли об этом в Калугу.

*Циолковский и его жена Варвара Евграфовна.
В доме Циолковского сверкали молнии, гремели громы...*

Вызвали Циолковского к начальству, добродушному старичку, который, между прочим, спросил:

— Куда вы девааете свое жалованье?

— Я большую часть трачу на физические и химические приборы, покупаю книги, делаю опыты...

— А состояние у вас есть?

— Ничего не имею.

— Как же вы — нищий — решаетесь говорить такие вещи о Христе?

В доме Циолковского сверкали молнии, гремели громы. Интересующимся он предлагал попробовать невидимого варенья, и те получали электрический удар...

О положении учителя в Боровске местный деятель Трунов писал в своем обзоре:

«Ведь жизнь учителя в той обстановке, какая ему представляется, это — подвиг, а нередко — мученичество. Нужно помочь ему на этом, поистине «крестном пути», помочь

ему и в материальной обстановке жизни, и в правовой, дабы не угасил духа слабый, не бежал в сидельцы «монополий» из-за куска хлеба для семьи; чтобы не погиб бесцельно сильный в борьбе с нездоровой обстановкой физической (и нравственной)...»

Однако не у всех преподавателей в Боровске были чистые побуждения. При своем малом жалованье и прижимистости местных жителей они добывали уроки хитростью: поставят двойку за четверть, а потом говорят зажиточным родителям, что ученик непонятлив и требуются дополнительные уроки.

Циолковский не любил застолий и старался сводить концы с концами без таких хитростей. Одевался с женой бедно, заплатата на заплате.

Одна была радость, кроме науки — река. Летом катался на лодке, сам на веслах, а жена за рулем. А то ходили под парусом по Протве (это ныне она обмелела и уж не рекой стала, а речкой, хотя берега ее, осененные вековыми соснами и колокольнями на взгорьях, как и прежде, сказочно красивы).

Зимой катались на лыжах с горы Высокой. Приспособился Циолковский носиться на коньках с парусом по льду реки. Лошади, заведя парус, отпрядывали и пятились, а возницы ругались и называли учителя «крылатым дьяволом».

Всякое бывало. Пошли дети. Циолковские стали жить своим домом. Снимали квартиры. Одна сгорела вместе с библиотекой и всем имуществом, другую (на улице Круглой) в половодье затопила вода.

В училище Циолковского ценили, но запрещали открывать форточки в классах — от пыли и спертого воздуха он вечно страдал бронхитом...

*Циолковский запускает воздушного змея
на Текижинском обвраге*

В Боровске семья Циолковских прожила двенадцать лет. Здесь были написаны «Графическое изображение ощущений», «Теория газов», «Механика подобно изменяющегося организма», заслужившая «душевный» отзыв профессора И. М. Сеченова, «Свободное пространство», «Теория и опыт аэростата...», работа, получившая одобрение Н. Е. Жуковского и Д. И. Менделеева, фантастическая повесть «На Луне» и многое другое. Из последней боровской квартиры на Молчановской улице в 1892 году Циолковский отбыл в Калугу, которой предстояло принять на себя всю славу его открытий.

Ах, Боровск, Боровск, что ты за город за такой! Нет, кажется, никакой логики в извивах твоих вздыбленных улиц. Бросаются они то вправо, то влево, то приводят на вершины холмов, откуда видно далеко окрест, то опускаются в низины, где сыро и скучно. И никакой тебе золотой середины, ни опрятности немецкой и педантичности, ни французского изящества и легкости, ни английской рассудительности и устойчивости. А что за океаном — не скажу, потому что не был, но, видимо, Есенин не ошибался, говоря о «железном Миргороде». Да только железо-то, оно без души, а в наших миргородах и боровских железо и бетон еще небо не заслонили, зато души — хоть отбавляй...

Душа, говорят, пар. Но это смотря у кого. У Аввакума, который дважды в темницах воровских сиживал, такой густоты и накала была душа, что от одного воспоминания о ней жарко становится. Подумал о Циолковском, а опять вспомнил об Аввакуме и о России XVII века. Какая уж тут связь, какой порядок? Был Аввакум деятелем по натуре, а не литератором. Посадили его, изолировали от людей, он взялся за перо и стал писать так, как делал все, — гениально и страстно.

И тут представилась мне глухота Циолковского тоже темницей. Особенно по прочтении таких строк:

«По природе и по характеру я революционер и коммунист... Почему же из меня не вышел активный революционер? Причина в следующем:

Глухота с десяти лет, сделавшая меня слабым и изгоем.

Отсутствие вследствие этого товарищей, друзей и общественных связей.

По этой же причине: незнание жизни и материальная беспомощность».

Гений не может бездействовать. Посади его в темницу, и он возьмется за перо. Но как же быть с «незнанием жизни»? А разве страдания Циолковского не дали возможности понять жизнь человеческую и, как говорил Аввакум, «добро творить»? В безграничный космос устремилась мысль Циолковского. В покорении его он увидел будущность человечества. Но космос не был самоцелью — путь туда Циолковский считал вехой на пути к всеобщему счастью.

Аввакум прошел с отрядом воеводы Пашкова едва ли не всю Сибирь.

К этому времени заканчивалось создание самого большого в мире государства. Москва, объявившая себя Римом третьим, расширялась до неимоверных размеров.

«Чем объяснить этот взрыв? Что заставляло землепроходцев подвергать себя неисчислимым страданиям и лишениям? Только ли стремление к наживе и железная воля воевод?» — спрашивал я себя когда-то.

В своей книге об Аввакуме я писал о пространстве, которое давало русской нации возможность готовить себя для великой будущности.

И еще один неожиданный ответ я нашел сейчас. В сочинении Николая Федоровича Федорова.

Как бы откликаясь на вопрос Гоголя: «Русь, Русь, что пророчит сей необъятный простор?», Федоров писал: «Наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига».

Федоров был патриотом и в большом и в малом. Он мог выгнать из читального зала известного ученого за презрительный отзыв о России. Вслед за Достоевским он видел ее величие во «всемирной отзывчивости». Только славянству и русским, считал он, по плечу объединить всех для «общего дела».

Помните, он говорил о мече, который не следует выпускать из рук, чтобы его не обратили против «нас же». Это он говорил о России. Он оправдывал извечное жесткое служение в России всего и вся государству.

«Что такое Россия... для чего нужно собрание?.. Для чего, зачем, не щадя себя, лишив себя свободы (то есть обравившись в служилые сословия, обложив всякую душу — живую и даже умершую — тяжелой податью), народ русский присоединял тысячеверстные рвы и валы?..»

Он верил, что в собрании России было нечто пророческое, и мечтал о переходе от принуждения к добровольному исполнению каждым своего долга во имя великой цели регуляции и воскрешения.

А пока он призывал запечатлеть и сохранить уходящее.

1980—1985 гг.

«Город Боровск на реке на Паратве
рублен городнями, а у города двои
ворота – одни косые к торговщицу с двумя
затворы, а другие ворота к реке Паратве
прямые с одним затвором; а на обоих воротах
башни, в городе ж 4 башни глухих, да у города
ж к реке к Паратве тайник...»

Боярыня Морозова

Новелла

П

осетители музея в Пафнутьевом монастыре всегда спрашивают Алексея Алексеевича: «Где у вас тут умерла боярыня Морозова?» И приходится объяснять, что не здесь это было, а в самом Боровске, на вершине насыпного холма, где когда-то стоял кремль. В монастыре же томился Аввакум.

Это знает каждый местный мальчишка. Застал как-то Антипов своих помощников за игрой «в Аввакума»: один сидел, скорчившись в нише, а двое других, взяв старинные копья, караулили его, чтоб не убежал...

Алексей Алексеевич твердо уверен, что темная комнатенка рядом с его музеем под трапезной, — это та самая «палатка», в которой сидел отбывавший здесь заключение протопоп Аввакум, знаменитейший человек в России, политический деятель, оратор, гениальный писатель. Родился он, по-видимому, в том самом 1621 году, когда в «Дозорной книге» писец наскреб перышком:

«Город Боровск на реке на Паратве рублен городнями, а у города двои ворота — одни косые к торговищу с двумя затворы, а другие ворота к реке Паратве прямые с одним затвором; а на обоих воротах башни, в городе ж 4 башни глухих, да у города ж к реке к Паратве тайник...»

В этой крепости и разыгрался финал трагедии, в которой человек не только не боялся смерти, но искал ее, чтобы доказать твердость своих убеждений. Трудно отыскать в истории что-либо подобное. И тем более, что это была женщина...

Обстоятельства жизни и смерти боярыни Морозовой малоизвестны, но само имя знакомо каждому.

Недавно совсем вышла книга с вариантами старинной «Повести о боярыне Морозовой» и великолепным предисловием Александра Панченко «Боярыня Морозова — символ и личность», где он прямо говорит о ней как о русской национальной героине и о том, что образ, созданный художником Суриковым, стал «вечным спутником» всякого русского человека.

Так кто же она, боярыня Морозова? Как жила и как жизнь ее окончилась?

Начнем с времен давних, с битвы на Неве в 1240 году, в которой князь Александр разгромил войско шведского ярла Биргера, за что назван народом Невским. И был среди его воинов знаменитый витязь Гаврило Алексич. Рубя врагов по головам, он пробился к шведскому кораблю, на который втаскивали Биргера, раненного князем Александром, и по мосткам въехал даже на самое судно. Витязя скинули с конем в Неву, но он выскочил на берег невредим, снова бросился в сечу и зарубил знатного рыцаря.

Вспомним и Мишу Прушанина, который с пешей дружиной шел вдоль берега реки и рубил мостки, отрезая шведам путь к кораблям.

При Иване Калите, внуке Александра Невского, потомки этих новгородских богатырей перебрались в Москву. От рода Гаврилы Алексича пошли Челяднины, Федоровы, Бутурлины, Пушкины. Потомками Миши Прушанина были Морозовы, Салтыковы, Шеины. Родством и свойством все они были связаны между собой, как и с Романовыми. Десятки Морозовых заседали в думе при всех великих князьях и царях, были боярами и окольными

чими. Не мудрено, что и братья Борис и Глеб Ивановичи Морозовы, начав карьеру спальниками царя Михаила Федоровича, вошли вскоре в силу, стали боярами.

Борис Иванович Морозов был «пестуном» будущего царя Алексея Михайловича, а когда тот вззошел семнадцатилетним на престол, отцом ему считался. Царь, как тогда говорили, «глядел у него из рта».

Чтобы крепче привязать к себе царя, Морозов женил его на художественной красавице Марии Ильиничне Милославской, а ровно через десять дней взял в жены сестру ее Анну, став царю свояком. Громадным богатством завладел временщик, числилось за ним 7254 крепостных двора.

Его брат Глеб Иванович, приставленный к рано умершему царевичу Ивану Михайловичу, тоже царской милостью имел более двух тысяч дворов. Пожилым уже он женился на красивой семнадцатилетней дочери окольничего Феодосье Прокопьевне Соковниной. Это уж царица Мария Ильинична постаралась, а заодно «пристроила» и сестру ее Евдокию, выдав за царского кравчего, князя Петра Семеновича Урусова.

Борис Морозов умер бездетным. Унаследовал его со стояние и без того богатый Глеб. Тот ненадолго пережил старшего брата, и в тридцать лет ближняя боярыня Феодосья Прокопьевна стала распоряжаться сказочным богатством двух покойных бояр, доставшимся ее единственному сыну, малолетнему еще Ивану Глебовичу.

В роскоши жила боярыня Морозова. Во дворцах ее полы были паркетные, на западный образец, в садах раз гуливали павлины. Выезжала она в серебряных каретах, запряженных двенадцатью аргамаками, и не иначе как в сопровождении нескольких сотен слуг. И при дворе положение ее было прочным, ближняя боярыня и подруга царицы славилась своим обаянием. Недаром еще покойный Борис Морозов любил беседовать с ней и благодарил: «Днесь насладился паче меда и сота словес твоих душеполезных». Так и жила бы она в «земной славе», не появившись в ее доме Аввакум, человек, как говорил он о себе, нищий, не породный и неразумный, человек беззаступный, одеяния, золота и серебра не имеющий, «протопоп чином, скорбей и печалей преисполненный»...

Говоря о неразумности своей, приbedнялся протопоп. Он только вернулся из сибирской ссылки, рассказывал о злоключениях своих так, что дух захватывало, громил никоновские нововведения, отстаивал «родную святую старину». С этого и началось обращение боярыни Морозовой, «отрясание праха» богатства и роскоши, путь от «земной славы» к мученичеству и к иной славе, всенародной...

Дом свои она наполнила монахинями, нищими, юродивыми. Все они были армией, с помощью которой Авва кум распространял свое влияние. Входя в любой московский дом, они рассказывали протопопу об умонастроениях и простого, и знатного люда, помогали создавать нужное общественное мнение.

Жития Аввакума и Морозовой, его и ее письма говорят о боярыне как о женщине веселой и любезной, прекрасной хозяйке, экономно тратившей каждый рубль, несмотря на свое богатство, — сыновнее имущество полагалось беречь. Нервная любовь к единственному сыну и лихорадочная деятельность в защиту старины, как казалось, должны были отвлекать от греховных мыслей эту тридцатипятилетнюю, красивую, здоровую женщину. А она еще изнуряла тело свое жестоким постом. Носила власяницу. Ложилась спать при слугах «на перины мягкие, под покрывала драгоценные», а потом перебиралась тайком на пол, покрытый рогожкой. И все-таки жаловалась она в письмах к Аввакуму на мучающие ее соблазны, а он ей отвечал: «Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком...», намекая на знакомое им обоим житие преподобной Матридии, которая выколола себе глаза, чтобы избавиться от любовного наваждения. Давно бы она ушла в монастырь, да как бы не забота о единственном сыне Иване, беспокойном и проказливом, непослушном и сластолюбивом отроке, которого Аввакум называл «робенком» и тут же спрашивал в письме: «То бы по-твоему добро, как бы на лошадях тех без тебя ездить стал да баб тех воровать?»

Чтобы остепенить сына, боярыня надумала женить его и советовалась со своим духовным отцом, какую невесту приискать: «Где мне взять — из добря ли породы или обышняя. Которые породю полутче девицы, те похуже, а те девицы лутче, которья породю похуже».

Добрая мать, она думала не о знатности будущей подруги жизни своего сына, а о ее благонравии, доброте. Обыкновенная, женщина, обыкновенные заботы. Откуда же взялся образ национальной героини? Почему боярыня Морозова стала для народа одним из символов русского характера?

Зная мятежный образ ее мыслей и о переписке с заточенным Аввакумом, царь отбирал часть ее имений, потом возвращал по настоянию ее подруги — царицы Марии Ильиничны. Но вот царица умирает, и боярыня принимает постриг, становится инокиней Феодорой, перестает «лицемерить», бывать во дворце и на церковных службах. Когда царь женится снова, на Наталье Кирилловне Нарышкиной, она не является на свадьбу, сославшись на то, что ноги болят. А ей, по положению при дворе, надлежало «в перьвых стояти и титу царскую говорить». Царь был оскорблен ее отговоркой до глубины души. Ему приписывают слова, которые на теперешнем языке звучали бы так: — Тяжко ей будет тягаться со мной. Одному из нас придется уступить...». Что-то вроде этого сказал царь, когда услышал об ее отказе. Алексей Михайлович с годами становился болезнен, рыхл и злобен.

Царская свадьба состоялась 22 января 1671 года, и с этого времени ее уговаривают повиниться и царские вельможи, и многочисленные знатные родственники Морозовых. Начинается то, что потом называли «духовным поединком» между царем и боярыней. И за этим поединком следит народ, сочувствие которого не на стороне власти. Дрогнул Морозова, уступи, и постигло бы людей разочарование, стойкость в их глазах превратилась бы во вздорное упрямство, не было бы героини...

Многие прежние друзья отступились от боярыни. Лишь сестра ее княгиня Евдокия Урусова и жена стрелецкого полковника Мария Данилова остались верными ее подругами. Ночью 14 ноября 1671 года к ней в дом пришел чудовский архимандрит Иоаким. Он приказал своим подручным держать Морозову и Урусову под домашним арестом и наложить на них кандалы. Мария Данилова бежала, но ее разыскали на Дону, привезли, заковали в цепи и посадили в подвал Стрелецкого приказа.

Знаменитая картина Сурикова рассказывает о событии, которое произошло 19 ноября. После допросов во Вселенских палатах Чудо-

ва монастыря в Кремле и двухдневного сидения с железными кандалами на ногах в подклете к боярыне пришел думный дьяк Стрелецкого приказа Иларион Иванов, приказал снять с ног кандалы и надеть ей на шею железный ошейник — «огорлие», соединенный цепью со «стулом»-тяжелым обрубок дерева. (У Сурикова цепь свисает с запястья руки. Он знал, как было на самом деле, но историческая истина не всегда отвечает поискам лучшего художественного решения.) Далее в «Повести о боярыне Морозовой» говорится (излагаю по-современному):

*Государь Всея Руси
Алексей Михайлович
Тимайший*

«И повелено было думным людям посадить ее на дровни, а конюху везти. Она села и стул возле себя положила. И везли ее мимо Чудова монастыря под царскими переходами. Высоко подняв правую руку и ясно изобразив сложение перстов, великая Феодора перекрестилась, звеня цепью. Мнила святая, что на переходах стоит царь и наблюдает за победой ее...»

Неизвестно, действительно ли смотрел царь, как везли Морозову. У Сурикова в картине написано окно с решеткой, за которым смутно угадывается человеческая фигура. К этому окну обращен горящий взгляд боярыни. Победа же Морозовой (если не думать об одолении самой себя и наслаждении мученичеством своим), по мысли великого русского художника, в сочувствии народа. Василий Иванович Суриков писал: «Первый эскиз «Морозовой» еще в 1881 году сделал, а писать начал в восемьдесят четвертом, а выставил в восемьдесят седьмом... Очень трудно ее лицо было найти. Ведь сколько времени я его искал... «Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны. Кидаешься на врагов, аки лев...» Это протопоп Аввакум сказал про Морозову...»

На создание замечательной картины Сурикова вдохновляло Аввакумово «Житие». Он читал и перечитывал его, ходил по рынкам; искал типы, делал эскизы. «А юро-

дивого я на толкучке нашел... В начале зимы было. Снег талый. Я его на снегу так и писал...»

Стасов потом сказал: «Суриков создал теперь такую картину, которая, по-моему, есть первая из всех наших картин на сюжеты из русской истории... Русская история, русский XVII век так и живут, так и дышат у него в картине...»

Сам я воспринимаю картину Сурикова не только как историческую. Конечно, почти все в ней верно — и костюмы, и пейзаж, но величие картины не в историческом антураже, а в идее. В идее сочувствия, которое так присуще русскому народному характеру. И нищая странница, и боярышня в синей шубке, и старуха, и мальчишки, и сама боярыня — все они живут и по сей день, как жили в семнадцатом столетии, потому что Суриков искал и нашел типы национальные, нашел то общее, что объединяет народ, хотя и повествовал о трагедии разъединения, о расколе.

Везли Морозову из Кремля на Арбат, на подворье бывшего Псковского Печерского монастыря, купленное казной для страшного приказа Тайных дел. Сторожил ее десяток стрельцов. Но и туда проникали сторонники Аввакума, поддерживали и утешали ее. А в утешении была у нее нужда великая. Прислали к ней попа сказать, что из-за нее постигло ее сына божье наказание - он умер. Она рыдала и билась о землю. Всего двадцать лет было ее ненаглядному Ивану. Автор «Повести о боярыне Морозовой» (по-видимому, ее дворецкий Андрей) уверял, что «отрок от многие печали впал в недуг». Царь присылал к своему юному стольнику «лекарей своих, и так его улечили, что в малых днях гробу предали».

Царь Алексей Михайлович выслал из Москвы братьев боярыни Федора и Алексея Соковниных, одного назначил воеводой в Чугуев, а другого — в Рыбное (город Острогжск), богатые имения Морозовых раздал любимцам, а драгоценности велел распродать.

Не раз приезжал к Морозовой ее дядя, вельможа Михаил Ртищев. Говорил он ей и ее сестре княгине Урусовой:

— Удивляет меня ваше страдание. Очень смущает - не возьму в толк, за истину ли терпите?

Он пошел к патриарху Питириму и рассказал, как боярыню силой тащат в церковь на службу. Просил за нее и говорил, что такое насилие — другим соблазн.

— Иди,- сказал патриарх,— а я царю об этом напомним.

Патриарх стал уговаривать царя: — Я тебе, государю, советую боярыне Морозовой, вдове, все-таки дом отдать и на потребу дворов бы сотницу крестьян, а княгиню вернуть князю, так бы дело приличнее было. Женщины они — много ли смыслят?

И ответил ему царь:

— Святейший владыко, я бы давно это сделал, но не знаешь ты лютости той женщины. Скажу я тебе, не перестает ругать меня Морозова та. Кто мне еще столько зла сделал, сколько она? Велики у меня от нее заботы и неприятности. Если не веришь словам моим, то изволь сам убедиться — призови ее и спроси, и тогда убедишься в ее упрямстве, вкусишь всю ядовитость ее. И потом что повелит твое владычество, то и сотворю, не отступлюсь от слова...

В два часа пополудни Морозову в цепях посадили в дровни и привезли в Чудов монастырь. Во Вселенской палате уже ждали ее патриарх Питирим, митрополит Павел и другие церковные и светские власти и начальники.

— Удивляюсь, — начал патриарх, — неужели ты так возлюбила эту цепь, что не хочешь с ней разлучиться?

Морозова усмехнулась.

— Воистину возлюбила. И не просто люблю, а наслаждаюсь, с вождением смотрю на эти узы. Как не любить мне их, великой грешнице?..

— Доколе ты будешь безумствовать? — с возмущением сказал патриарх. — Доколе себя не помилуешь, доколе царску душу будешь возмущать своим противлением? Оставь все эти нелепые начинания и послушайся моего совета, потому что предлагаю я его, жалея тебя: приобщись к соборной церкви и российскому собору исповедайся и причастись.

— Некому исповедоваться, — упрямо отвечала боярыня,- не у кого причаститься.

— Много попов на Москве, — возразил патриарх.

— Много попов, но истинного нет.

— Понеже я вельми пекусь о тебе, — сказал патриарх, — придется мне на старости лет потрудиться и самому исповедать тебя и причастить.

— Говоришь, самому? Слова мне твои непонятны. Чем ты отличаешься от других? Не их ли волю творишь? Когда был ты митрополитом крутицким и держался обычая христианского вместе с отцами, преданными нашей русской земле, и носил клобучок старый, тогда мы тебя любили. А ныне, понеже захотел волю земного царя творить, а небесного царя и создателя презрел и возложил рогатый клобук римского папы на голову свою, мы от тебя отвращаемся...

Тогда патриарх велел облечь себя в священническую одежду. Митрополит Павел поддерживал одной рукой старенького патриарха, а другой хотел снять треух с головы Морозовой, чтобы патриарх мог коснуться спицей, омоченной маслом, ее лба. Боярыня отпихнула руку митрополита, крикнув:

— Иди отсюда!

Оттолкнула она и руку патриарха со спицей. Гнев патриарха был велик.

— О исчадие ехиднин! — ревел он, как медведь. — Вражья дочь, страдница! Повергните ее, волочите. Как пса за шею выволоките ее отсюда! Не жить ей больше! В сруб страдницу! Сжечь!

И поволокли боярыню за цепь, раня шею, едва не оторвав голову. Все ступени на лестнице она головой сочла. В девять часов Морозову увезли в место заточения, а пред патриархом предстали Евдокия Урусова и Мария Данилова. И они вели себя так же.

Царь торжествовал:

— Что я говорил тебе?..

Узниц повезли пытать на Ямской двор. Боярыня Феодосья Морозова сжимала руку Евдокии Урусовой:

— Терпи, мать моя, терпи.

Наблюдать над муками узниц были приставлены Василий Волинский и князь Иван Воротынский и Яков Одоевский. Первой к огню подвели Марию Данилову, обнажили до пояса, заломили назад и связали руки, вздернули на дыбу. Потом наступила очередь княгини Урусовой. Заметив матерчатый красивый покров ее треуха, мучители спросили:

— Почто так творишь — в опале царской, а носишь цветное?

— Ничем я не согрешила перед царем, — отвечала Евдокия.

И она была вздернута на дыбу. А потом и Морозова.

Князь Воротынский задавал вопросы:

— Что ты сотворила? От славы к бесславию пришла. И это ты, такого рода! Принимала в своем доме Киприана и Федора юродивых. Их учения держась, прогневала царя!

— Невелико благородство телесное. И что такое слава человеческая суетная на земле? Ты говоришь о славе, но нет величия в ней, она тленна и мимоходяща...

Сорочку с Морозовой сдернули до сосков. И обвязали рукавами боярыню, чтобы не упала сорочка. Морозова молча провисела на дыбе полчаса. Потом трех женщин с вывихнутыми руками положили голыми спинами на снег, груди мерзлыми плахами придавили, пугали, что огнем жечь будут...

Марию бросили к ногам Феодосьи и Евдокии и били плетью по спине и животу.

Думный дьяк Иларион угрожал:

— Не покоритесь, и вам такое же будет.

Глядя на льющуюся кровь, Морозова сказала:

— И это христианство - так мучить человека?

В литературе XVII века много есть рассказов о пытках, которые перенесли Морозова и ее две подруги, когда их старались заставить отречься от своих взглядов.

На другой день царь собрал совет — решать, что делать с женщинами. На Болоте, в топком месте за рекой Москвой против Кремля, уже поставили сруб, чтобы сжечь мятежниц. Об этом просил патриарх, «но бояре не потянули». Рука не поднялась на женщин, носивших громкие родовые имена. Всего шестнадцать в России было таких знатных боярских фамилий: Воротынские, Черкасские, Трубецкие, Голицыны, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйновы, Хилковы, Хованские, Шереметевы, Морозовы и Урусовы.

Было ли так, не было, но прислал будто бы царь к боярыне голову стрельцкого со словами:

«Мать праведная Феодосия Прокопьевна! Молю тебя, послушайся моего совета. Хочу вернуть тебе прежнюю твою

честь. Откажись от своего, приличия людского ради... Послушай, я пришлю за тобой повозку свою с аргамаками своими, и придут многие бояре и понесут тебя на головах своих. Послушай, мать праведная, я, царь, склоняю голову свою, сделай это!»

И будто бы ответила боярыня царскому посланнику:

«Что творишь, человек? Почему кланяешься мне? Перестань, послушай меня лучше. Государю говорить такие слова — выше моего достоинства. Грешница я... А от древнего предания не откажусь. Повозкой своей меня почтить хочет, аргамаками - никакое это для меня не величие, было это все у меня и мимо прошло. Величием поистине дивным считаю я, если сподобит меня бог быть сожженной во имя его в срубе на Болоте; вот это слава моя...»

19 апреля 1673 года скончался патриарх Питирим. Его сменил Иосиф, ревностный, суровый.

После кончины Питирима царь повелел перевести Морозову в Новодевичий монастырь. Это было летом 1673 года, потому что «вельможные жены» приезжали в монастырь понаблюдать «крепкое терпение» боярыни в «рыдванах и коретах». Царя это сердило, он приказал перевести ее в Хамовную слободу и поселить у старосты на дворе.

Старшая сестра царя Ирина Михайловна попняла Алексею Михайловичу:

— Почто, брат, некрасиво поступаешь и вдову бедную помыкаешь с места на место. Достойно было бы помнить заслуги Бориса и брата его Глеба.

— Добро, сестрица, добро! — прорычал царь. — Коли ты печешься о ней, найдется у меня ей место!

Этим местом был Боровск, в который сослали то ли в конце 1673, то ли в начале 1674 года боярыню Морозову и ее подруг.

В Боровском остроге, в земляной тюрьме, уже сидела одна из аввакумовских сторонниц — Иустина. Место было глухое. Так и не уда-

лось Морозовой добиться публичной казни, умереть на людях, мученически. Именно этого царь и не хотел-боялся ропота и жалости народной. Спрятав Морозову в Боровский острог, он обрек ее на долгое умирание, но лишить боярыню бессмертия в памяти людей оказался не в силах.

После Москвы в Боровском остроге было вольно. Сторонники Морозовой «ухлебливали» сотников, командовавших караулом, посещали узниц, переправляли письма от них и к ним. Не одно письмо написал им из своего пустозерского заключения Аввакум.

Помогали и боровитяне.

Но не прошло и года, как «лукавый возмутил начальников». Прислан был указ разыскать, кто ходит к узницам и каким образом. Так схватили боровитянина Памфила и стали пытать. А у него в это время Родион, племянник полковника Данилова, под полом в доме прятался. Никого не выдал Памфил под пыткой, и его отпустили. Придя домой и унимая бегущую из ран кровь, он сказал жене:

— Агриппина, ныне хорошо стало, свободно... Отнеси-ка ты нашим в острог луку печеного решето.

И опять оставили узниц в покое, если можно считать «покоем» то, что пережила в это время Евдокия Урусова. Мужа ее, царского кравчего князя Петра Семеновича Урусова, решили развести с ней и женить на молодой Степаниде Строгановой. А ведь у Евдокии с Петром было трое детей — Василий, Настасья и Евдокия. Нежно любила их княгиня и, страдая от мужниной нестойкости, часто писала им письма.

Эти письма сохранились. Их нельзя читать без волнения. Сын Васенька уж и сам был царским стольником и вел жизнь беспечную...

«Ох, мой любезный Васенка,- писала сыну Урусова, — не видишь ты моего лица плачевного и не слышишь моего рыдания слезного, не слышишь, как рыдает сердце мое о тебе и душа моя сокрушается... Да молю у тебя, Васенка, буди ты ласков к сестрам и утешай их и слушай во всем их, что ане станут тебе говорить, и ты слушай во всем, любезной мой, и не печаль их, веть у них у сирых и радости, что ты един... Да еще у тебя прошу, любезной мой, не презри

ты моего моления, не пей ты вина, не опечаль ты душу мою, не пей вина и ничего хмельного не пей, любезной мой, помни, свет, кто вино пьет, тот и наследит царствия небесного, пьяницам мука сотворяна...»

И письма к дочерям похожи на песни.

«Светы мои, две ластовицы златокрылыя; о, мои светы возлюбленные, две горлицы пустынные; ох, светы мои любезные, две сироты бесприютные, не имеете вы кому преклонить главу свою сирому... Носила вас, светов своих, во утробе своей и радовалась и родила вас, светов своих, забывала болезнь свою матерню, возрадовалась вашему рождению, глаза мои грешные на вас не нагляделись и сердце мое вами не нарадовалось».

Это к дочерям Урусовой писал потом Аввакум:

«Слушайте-тко, Евдокея и Настасьюшка, — где вы не будете, а живите так, как мать и тетка жили: две сестрицы здесь неразлучно жили, и в будущий век купно пошли...»

А вот уж и край жизни матери и тетки - Евдокии Урусовой и Феодосьи Морозовой.

Тотчас после пасхи в 1675 году, в апреле месяце, нагрянули в Боровск «старой» подьячий Павел да еще двое молодых. Обыскали всю тюрьму, «пограбили» узниц, отняли одежду, съестное, иконы. Перешерстили караул. Сотников, занимавшихся попустительством, выпороли, а одного, самого виноватого, отправили в ссылку. И это бы еще ничего...

В июле думный дьяк Стрелецкого приказа Иларион Иванов прислал в Боровск дьяка Федора Кузмищева с большими полномочиями — *«казнить, четвертовать и вешать, а иных... к Москве присылать, а иных велено, которые сидят не в больших делах, бывши кнутом, выпускать на чистые поруки... для того, что в тюрьме в Боровске сидельцов умножилось много».*

Начались казни. Четырнадцать человек сжег в срубах дьяк Кузмищев, и среди них — инокиню Иустину и слугу боярыни Ивана. Для Морозовой и Урусовой были вырыты пятисаженные ямы, а Данилову посадили в тюрьму, «где злодеи сидят», к уголовникам, если говорить по-современному.

Уморить голодом в студёных ямах — таков был приказ, и он исполнялся неукоснительно. Сидели сестры «во тьме несветимой», страдали от «задухи земная», от спертого воздуха, от расплотившихся вшей. Их тошнило, они не спали ни ночью, ни днем. Давали им только воду, а если доставалось несколько сухарей, то воды не давали, чтобы томить жаждой. Иногда перепадало яблоко-другое или огурец, но это уже стрельцы караульные из жалости подкидывали.

11 сентября скончалась Евдокия Урусова. Боярыня Морозова позвала стрельца, тот спустил веревку. Она сама обвязала ею тело сестры, и стрелец вытащил покойницу из ямы. Тело закопали в остроге. Царь прислал монаха в последний раз уговаривать Морозову покориться. Но она была непреклонна. В ночь с первого на второе ноября 1675 года боярыня Морозова скончалась. Перед смертью она просила у стрельца дать ей калачика.

— Ни, госпоже, боюсь, — ответил стрелец.

— Хлебца...

— Не смею.

И вот последняя ее просьба.

— Мать у тебя есть? Женщина же родила тебя, и ради этого молю-побойся бога: я женщина, и надо мне сорочку постирать. А ты сам видишь, самой мне это сделать невозможно, на цепи я, и слуг при мне нет. Сходи на реку и постирай мою сорочку. Призывает меня господь, и неподобно мне, телу этому, в нечистой одежде лежать в недрах матери земли.

Бросила Морозова стрельцу сорочку, и он, спрятав ее под полой и глотая слезы, пошел стирать к Протве...

Первого декабря умерла тоже переведенная в яму Мария Данилова.

Велено было сестер «внутри острога в землю закопати», обернув в рогожу.

Чуть позже на могиле появилась плита с надписью:

«Лета 7183/1675/ погребены на сем месте сентября во 11-й день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его — княгиня Евдокея Прокофьевна да ноября во 2-й день боярина Глеба жена Ивановича Морозова боярыня Феодосия Прокофьевна, а во иноце/х/ инока Феодора, а дочери обе окольного Прокофия Феодоровича Соковнина а сию ЦКУ (доску — Д. Ж.) положили на сестрах своих родных/ боярин Федор Прокофьевич да окольной Алексей Прокофьевич Соковнины».

Плита ныне хранится в Калужском краеведческом музее. Бережется, но не выставлена*.

Дьяк Илларион Иванов был убит восставшими стрельцами 15 мая 1682 года. Алексей Соковнин участвовал в стрелецком заговоре и был казнен на Красной площади... Последствия раскола еще долго обгадряли кровью русскую землю.

Горький говорил о боярыне Морозовой: «Мы видим перед собой образ эпический».

Советский исследователь Александр Панченко подхватывает горьковские слова:

«Человеческая немощь не умаляет подвига. Напротив, она подчеркивает его величие: чтобы совершить подвиг, нужно прежде всего быть человеком».

Оттого и осталась боярыня Морозова в памяти народной, оттого и вспоминали ее в своих произведениях многие писатели нашей земли.

В дореволюционной России старообрядчество долгое время преследовалось официальной церковью и правительством. Но различные толки старообрядчества крепили. В тайне многие искали выхода из обыденности. Крестьяне, примыкая к «старой вере», бежали в вольные края, на Север, за Урал, на Кавказ. Они пополняли казачество, обживали новые земли, расширяли пределы страны. Боровск,

* Плита перевезена в Боровск и установлена в цокольном помещении часовни-памятника боярыни Морозовой, княгине Урусовой и всем мученикам за древлеправославие

связанный с именами Аввакума и боярыни Морозовой, привлекал старообрядцев. По большей части зажиточные купцы и ремесленники, они строили здесь свои соборы, а после революции 1905 года, когда царским манифестом была объявлена веротерпимость, немало их вошло в городскую думу, которая в апреле 1909 года постановила отвести 24 квадратных сажени на Городище (это тот самый насыпной холм, где некогда стоял боровский кремль), на месте могилы княгини Урусовой и боярыни Морозовой, «для имеющейся в недалеком будущем постройки памятника-часовни на их могиле». Часовню так и не построили, и теперь на ее месте воздвигнуто административное здание.

Некогда в слободе Рябушки, входившей в черту города Боровска, жили старообрядцы Стекольщиковы. От названия слободы и взяли они новую фамилию — Рябушинские. Разбогатели, нажили миллионы, владели множеством текстильных фабрик и банков, а один из отпрысков этой семьи, Павел Павлович Рябушинский, стал лидером российской контрреволюционной буржуазии, да таким известным, что ему и его роду посвящена сравнительно большая статья в последнем издании Большой советской энциклопедии.

Старообрядцы держались обособленно. Однако летопись города хранит историю боровских Монтекки и Капулетти. Восемнадцатилетний старообрядец, купеческий сын Капырин влюбился в семнадцатилетнюю девушку из православных. Против воли родителей он с ней поехал в село Красное и сочетался браком. Его отдали под суд за венчанье в православной церкви. История кончилась бескровно. Молодец послал суд куда подальше и уплатил за это штраф в пять рублей. На том дело и кончилось. Времена наступали другие...

Старая вражда между толками православия выливалась теперь в бескровные диспуты в Пятницкой церкви. На одном из них епархиальный миссионер И. Жаров затронул древние боровские события.

— Главной причиной заключения Морозовой и Урусовой в тюрьму служило дерзкое оскорбление царской власти и злохульное поношение святой православной церкви... — сказал он. — Морозова несколько лет чинила неприятности и оскорбления тишайшему государю Алексею Михайлови-

чу. Эта Морозова и подобные раскольнические тогдашние мученицы в глазах правительства того времени были то же самое, что грозные современные боярыни с пенсне на носу, бомбометательницы в верных слуг царя, которых за то подвергают заслуженной каре - ссылке в Сибирь и даже смертной казни...

Почтенный священник в своем обличении-доносе намекал на Софью Перовскую и Веру Засулич. Для Боровска и всей страны наступали новые времена, но историческая параллель, которую он привел, вполне оправдана.

<...>

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Замечательный русский писатель Дмитрий Анатольевич Жуков очень любил Боровск и русскую провинцию. Эта любовь не была созерцательной: он активно пропагандировал культурное и историческое наследие, был одним из создателей Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры — ВООПИК, общественной организации, ставшей в советское время авторитетнейшим сообществом людей неравнодушных, смелых, устремленных, созидających. Таким был и сам Дмитрий Анатольевич. Он увлекал своей любовью космонавтов и художников, министров и жителей малых и больших городов. Публиковал статьи в центральных газетах и журналах, выступал на совещаниях и встречах и писал удивительные книги, героями которых становились не очень востребованные в то время у властных структур люди и события. Современное поколение краеведов и историков, всех, изучающих русскую культуру допетровской Руси, можно смело назвать воспреемниками его идей и замыслов, потому, что его талант позволил многим и многим осознать не только грандиозность тех событий и величие тех людей, но и увлек в самостоятельные исследования, призвал к активной деятельности по сохранению и приумножению культуры нашего народа. Для многих из них книги Дмитрия Анатольевича стали первым шагом к выбору профессии.

Писатель отмечал, что духовная жизнь провинции — прямая забота людей, с детства впитавших ее культуру и историю. В малых исторических городах и начинается Россия. Чувство патриотизма вырастает из сознания причастности к тем глубоким корням, которые так важно хра-

нить и сберегать все ценное, что оставили нам наши предки. В истории самых малых городов и селений всегда отыщутся прочные узы, которые связывают их с великой историей нашей страны. Ведь только малых исторических городов семьсот! Это большая сила. И развитие туризма — один из самых эффективных инструментов развития и выживания провинции.

Многовековая история древнего Боровска завораживает: величественные памятники архитектуры, неповторимые пейзажи и судьбы знаменитых жителей, среди которых выдающиеся личности, сыгравшие зачастую, выдающуюся роль в судьбах страны, в развитии искусства и культуры: герой Куликовской битвы князь Серпуховской и Боровский Владимир Андреевич Донской и Храбрый, герой обороны Пафнутьева Боровского монастыря в Смутное время князь Михаил Волконский, ученый Циолковский и философ-космист Федоров, великий изограф Дионисий и художник-передвижник Илларион Прянишников, прославленный святитель Пафнутий Боровский, мученики за древле-православие протопоп Аввакум и боярыня Морозова и другие. Город на юго-западных подступах к столице был участником всех важных событий Московской Руси и Российского государства: Куликовская битва и Великое стояние на Угре, Смутное время и церковный раскол в конце XVII века, Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная 1941—1945 годов...

Сегодня в Боровске проживают около 11,5 тысяч человек, работают несколько небольших производственных предприятий, развивается малый бизнес, представленный в основном компаниями пищевой промышленности, торговыми предприятиями, кафе и гостиницами. Наиболее активные предприниматели в последние три года подхватили и общероссийский тренд — развитие туризма.

Культурное сообщество Боровска — постоянная величина, в отличие от глав городов, которые меняются почти ежегодно и каждому вновь приходящему приходится вновь и вновь доказывать ценность сохранения исторического облика Боровска, объяснять, что поддержка туризма это не только сохранение исторической преемственности поколений, но и залог успешного развития города, района, области, страны...

Необходимо понимать, что старые дома, это не рухлядь, которую после расселения нужно уничтожить. Это наша история. Это материали-

зованная память о предыдущих поколениях, о славных страницах нашей истории, по которым можно и нужно воспитывать молодое поколение бережному отношению к своему городу, гордости за свою страну и свой народ. Только так можно воспитать патриотизм и желание быть полезным России.

Многое за что ратовал Дмитрий Анатольевич изменилось в провинции к лучшему. В нашем любимом Боровске возрождены десятки храмов, обустроивается центр города, установлены памятники выдающимся землякам. В Боровске сегодня действуют шесть музеев, центры культуры, один из которых носит имя Дмитрия Анатольевича Жукова. В Боровске регулярно проводятся выставки художников самого высокого уровня, издаются книги, посвященные истории города и Боровского края. Издано два тома хроники, посвященной каждодневным событиям, происходившим в Боровске за последние двадцать лет. Приведем лишь некоторые выдержки из этой хроники, по которым можно понять, что жизнь в русской провинции не стоит на месте. Об этом и мечтал Почетный гражданин города Боровска, Член Союза Советских писателей, Заслуженный работник культуры, переводчик, историк, автор многих замечательных книг в т.ч. и очерков «Боровские были» Дмитрий Анатольевич Жуков.

(Из книги «Боровск. 2008—2018. Хроника десятилетия. Основные события жизни города». — Боровск. 2018).

31.01.2009 г.

С колокольни Благовещенского кафедрального собора вновь стал раздаваться мелодичный перезвон часов. Эти куранты не звучали в Боровске с 1857 года, когда пожар уничтожил центральную часть города. Часовые циферблаты на вершине колокольни показывают время. Их четыре и обращены они на все стороны света, а куранты отбивают каждую четверть часа. Изготовлен сложный механизм на отечественном оборонном предприятии.

26-27.02.2009 г.

В Боровске на высоком уровне прошли Десятые образовательные Свято-Пафнутьевские чтения.

01.04.2009 г.

В городском Центре искусств состоялась презентация книги «Купечество Москвы. История. Традиции. Судьбы», в которой одна из глав называется «Сорок великих семей: живые свидетельства», где три семьи – наши зем-

ляки. Это – Рябушенские, Щукины и Полежаевы. Эту главу писали уцелевшие потомки великих семей, в том числе основательница музея Полежаевых в Боровске Евгения Алексеевна Полежаева.

13.04.2009 г.

В храме святых князей Бориса и Глеба, одном из древнейших архитектурных памятников Боровска, в ходе реставрации установлены два купола: центральный – самый большой, символизирующий Спасителя, и малый.

01.05.2009 г.

Теплый сезон был торжественно открыт запуском городского фонтана на площади Ленина.

18.06.2009 г.

В городском Центре искусств прошла презентация книги «Живые свидетели вечности», рассказывающей о храмах и монастырях Боровска. О работе над книгой рассказали автор и составитель Нелли Петровна Лошкарева и директор проекта Владимир Семенович Канунников.

11.02.2010 г.

В боровском районном Доме культуры состоялись ежегодные XI Свято-Пафнутьевские образовательные чтения, посвященные 400-летию героической обороны Пафнутьева монастыря от польско-литовских захватчиков.

10.03.2010 г.

На стене дома №14 по улице Калужской была торжественно открыта мемориальная доска памяти Николая Поликарповича Глухарева. Н.П. Глухарев основал в Боровске первую газету, собрал богатейшую коллекцию картин, гравюр, монет, старинной домашней и церковной утвари. На основе этой своей коллекции создал первый в Боровске краеведческий музей.

11.04.2010 г.

Митрополит Калужский и Боровский Климент освятил самый большой полуторатонный колокол в храме святых мучеников Бориса и Глеба.

13.08.2010 г.

Ночью на Боровск обрушился ливень. Накануне бригада рабочих меняла кровлю на здании боровского краеведческого музея. И, судя по всему, после окончания рабочего дня не закрыли крышу должным образом. В результате значительная площадь помещений музея оказалась залита. Серьезно пострадала экспозиция «Старый Боровск».

Сентябрь 2010 г.

В Боровской районной библиотеке открылась книжная выставка «Что читать о Боровске?». На ней представлена литература, изданная к 650-летию родного города, книга известного боровского краеведа А.А. Антипова «Мо-

настырские были», книги «Изучай родной край», «Старый Боровск в лицах» под редакцией нескольких авторов и многие другие издания.

17.10.2010 г.

Митрополит Калужский и Боровский Климент совершил чин великого освящения храма Покрова Пресвятой Богородицы на Высоком. Этот храм воссоздан на месте Высоко-Покровского монастыря, духовной колыбели преподобного Пафнутия Боровского.

10.11.2010 г.

Открыт новый выставочный зал методического центра традиционной культуры и народного творчества «Школа мастеров», который расположен в одном из самых красивых домов Боровска, доме купцов Шокиных (дом №15 по ул. Ленина), известном в народе как «дом с кружевами».

Апрель 2011 г.

В боровском историко-краеведческом музее открылась выставка «Боровская летопись. Страницы истории». Экспозиция состоит из трех разделов: «Православие», «Старообрядчество» и «Купечество Боровска».

06.07.2012 г.

В боровском краеведческом музее – филиале Калужского областного краеведческого музея – состоялось торжественное мероприятие, посвященное 25-летию с момента основания учреждения. Четверть века назад музей в Боровске был образован на основе фондов трех общественных музеев: Боевой славы, краеведческого и декоративно-прикладного творчества.

27.09.2012 г.

Музей-квартира Константина Эдуардовича Циолковского отметила юбилей – 15 лет со дня открытия. К сбору экспозиции музея много усилий приложили работники Боровского краеведческого музея.

Январь 2013 г.

Музей первой боровской школы, руководит которым Маргарита Захарова, награжден дипломом второй степени по итогам областного смотр-конкурса музеев и комнат боевой славы образовательных учреждений в номинации «Лучшая организация поисково-собираательной деятельности».

Апрель 2013 г.

В экспозиции боровского краеведческого музея представлен образец боровского герба, датируемого концом XVIII века.

14.05.2013 г.

В День памяти Преподобного Пафнутия Боровского верующие прошли Крестным ходом от храма Покрова Пресвятой Богородицы на Высоком в Свято-Пафнутьев Боровский монастырь.

13.09.2013 г.

В боровском краеведческом музее прошла презентация книги известного писателя-мариниста Николая Скрицкого «Адмирал Сенявин».

01.10.2013 г.

Произошло важное событие – освящение новых колоколов в Боровской церкви Спаса Преображения на Взгорье. Настоятель церкви отец Алексей (Кузин) отметил, что последний раз колокола здесь звучали 90 лет назад.

08.10.2013 г.

Празднование 655-летия Боровска продолжилось знаковым и долгожданным открытием памятника флотоводцу, прославленному адмиралу Дмитрию Николаевичу Сенявину. Автором памятника является скульптор Михаил Переяславец, народный художник РФ, лауреат Госпремии РСФСР, член Союза художников РФ, работы которого находятся в Третьяковской галерее, Русском музее, многих частных коллекциях в России и за рубежом.

26.10.2013 г.

Состоялось открытие памятной доски в честь пребывания в Боровске Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича Романова – младшего сына Императора Александра III. Доска установлена на доме фабрикантов Полежаевых (ул. Ленина, 18).

04.11.2013 г.

У стен Свято-Пафнутьев Боровского монастыря прошел историко-культурный фестиваль «Оплот веры». Историческую реконструкцию сражения русских войск с поляками представили два московских военно-исторических клуба.

08.07.2015 г.

Произошел пожар в комплексе тюремных построек на улице Берникова – это поистине уникальный историко-архитектурный объект. Пожар частично разрушил не рядовое, а знаковое для города архитектурное сооружение XIX века.

10.09.2015 г.

Ушел из жизни замечательный человек, писатель Дмитрий Анатольевич Жуков, Почетный гражданин города Боровска, член Союза писателей, заслуженный работник культуры, переводчик, историк, автор цикла очерков «Боровские были».

26.02.2016 г.

В Москве, в Министерстве культуры РФ прошла церемония награждения победителей, лауреатов и дипломантов I Всероссийского конкурса «Культурная столица малых городов России – 2015». Решением конкурсного

жюри Боровск признан лауреатом конкурса в номинации среди городов с населением до 50 тысяч человек.

18.03.2016 г.

Началась реконструкция знаменитого «углового» дома, расположенного на углу улицы Володарского и площади Ленина. Уже более четырех лет он пустует – жители переехали в новые квартиры, предоставленные по программе переселения из ветхого и аварийного жилья. Пустые «глазницы» дома все эти годы будоражили равнодушных к судьбе родного города боровчан. Глава администрации города Боровска Михаил Климов заверил, что здание будет таким же, как раньше, только обновленным.

Март 2016 г.

Боровчане с грустью смотрят на вывеску «Магнит», появившуюся на фасаде здания бывшего кинотеатра «Родина». Мнение большинства жителей города однозначное: зачем нам очередной магазин? Лучше бы кинотеатр восстановили...

14.05.2016 г.

В храме Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боровского монастыря состоялись торжества памяти преподобного Пафнутия — святого покровителя Калужского края. В этом году также отмечается 25-летие возрождения духовной жизни обители.

Июль 2016 г.

Возле здания галереи им. Прянишникова (ул. Советская, 6 А) на Городище сквозь землю проступили кирпичи загадочного строения. По историческим данным раньше здесь находилась приказная изба и острог. По старинной кладке можно предположить, что здание относится к XVII–XVIII вв. Возможно, необычная находка является храмом Николая Угодника. Свидетельством такого предположения служит найденный на месте проступившего здания камень. Он похож на материал, используемый раньше для строительства алтарей в храмах.

19.10.2016 г.

У боровского храма Покрова Пресвятой Богородицы на Высоком (рядом с чайной) установлен памятник св. преподобному Пафнутию Боровскому. Памятник передан в дар от Международного фонда «Диалог культур — единый мир».

Май 2017 г.

На площади Ленина, где каждый камень дышит историей а ансамбль строений привлекает историков своей уникальностью, снесено строение №20. В нем раньше размещалась боровская типография. Именно здесь пе-

чаталась районная газета «За коммунизм» и ряд других изданий. Огромный старинный подвал, уникальные помещения, печатные станки хранили память минувших лет. Снёс его местный предприниматель Виталий Реуков, не так давно он приобрёл районную собственность с торгов.

15–17.06.2017 г.

Делегация Боровска принимала участие в III Всероссийском фестивале малых городов России, организованном Ассоциацией малых туристских городов, членом которой наш районный центр стал год назад. Фестиваль состоялся в Суздале.

Июль 2017 г.

В Боровске на улице Ленина перед домом №12, называемом боровчанами «Домом Наполеона», проходят работы по восстановлению старого сквера. Некогда заросшая территория теперь принимает ухоженный и приятный вид.

19.08.2017 г.

Боровск отметил 659-й День рождения. В рамках праздника был торжественно открыт новый благоустроенный сквер, главным украшением которого является фонтан «Пусть светит», созданный по рисунку Людмилы Киселёвой. Губернатор Анатолий Артамонов поздравил жителей города с праздником и вручил грамоту о присвоении Боровску почётного звания Калужской области «Город воинской доблести».

Вышел первый номер газеты «БоровскЪ-сердце моё», которую издает культурно-исторический Центр «Боровский край» совместно с фондом развития малых городов «Настоящая Россия». Полноцветная 8-полосная общественная газета о городской культурной жизни, истории и туризме «БоровскЪ-сердце моё» будет выходить один раз в месяц.

Июнь – сентябрь 2017 г.

Боровск присоединился к фестивалю «ТомСойерФест». Главная идея Фестиваля – силами волонтеров восстановить старинный деревянный дом: покрасить стены и заменить ветхие декоративные детали новыми. В Боровске для ремонта выбран дом №22 по улице Ленина (жилой дом конца XIX века, расположенный на главной улице города). ТомСойерФест в Боровске проводится по инициативе туристско-информационного центра «Боровский край».

0708.10.2017 г.

В Москве в Государственном Дарвиновском музее в рамках фотовыставки «Путешествуя – помогай» прошла презентация проекта «Дом Полежаевых». Евгения Алексеевна Полежаева рассказала о многолетней работе над созданием музея памяти своих предков купцов Полежаевых.

29.10.2017 г.

В канун Дня памяти жертв политических репрессий в Боровске торжественно открыли памятник, посвящённый жертвам ГУЛАГа. Памятником стал камень, привезенный с Соловецких островов.

30.11.2017 г.

На фасаде Культурного центра (пл. Ленина, 42) торжественно открыта памятная доска, надпись на которой гласит: «В Боровске жил и работал с 1970 по 2015 гг. русский писатель Жуков Дмитрий Анатольевич». На торжественном открытии и памятном мероприятии в Культурном центре присутствовали вдова, дети и друзья писателя, а также официальные лица района и города.

04.12.2017 г.

Боровчане и гости города слушали хоровую оперу «Боярыня Морозова» в районном Доме культуры.

05.03.2018 г.

По телеканалу «Культура» был показан документальный фильм «Пешком...», в котором автор сценария и ведущий Михаил Жебрак ходил пешком по Боровску и рассказывал о наших достопримечательностях и известных людях города.

18.03.2018 г.

В музейно-краеведческом комплексе «Стольный город Боровск» прошла презентация сборника материалов Международной научно-практической конференции «Церковное шитьё в современной жизни православного храма». Издание посвящено 50-летию музейно-краеведческого комплекса «Стольный город Боровск» и 660-летию первого письменного упоминания г. Боровска.

14.04.2018 г.

В Музейно-выставочном центре открылась уникальная выставка «Свет фресок Дионисия» фотохудожника Юрия Холдина.

20.04.2018 г.

В очередной раз после выселения загорелся «Дом ударника» – бывший тюремный замок. К счастью, прибывшим пожарным удалось вовремя потушить пожар.

26.04.2018 г.

Состоялась презентация нового издания об одном из представителей боровского купечества, краеведе, общественном деятеле и создателе первого краеведческого музея в Боровске и избы-читальни в деревне Болобаново Николае Поликарповиче Глухарева.

07.06.2018 г.

В Боровске, на родине первых Федоровских чтений (1988 г.), состоялось открытие XVII Международных научных чтений памяти философа Николая Федоровича Федорова.

22-24.06.2018 г.

Боровская делегация во главе с Михаилом Климовым приняла участие в IV Фестивале малых городов России, проходившем в г. Тобольске Тюменской области.

Июнь 2018 г.

В Боровске планомерно идут работы по благоустройству. Отремонтированы тротуары нескольких улиц, выполнен ремонт мостиков в Текижинском овраге. Большая часть площади Ленина стала пешеходной. Там, где раньше парковались машины такси, теперь появились пешеходные дорожки, препятствующие заезду автомобилей. А вдоль дорожек нанесена разметка для парковки автомобилей вдоль проезжей части.

Новое поколение почитателей таланта Дмитрия Анатольевича Жукова черпает силы и обретает уверенность читая и перечитывая его книги, следуя его неустаревающим мыслям: необходимо беречь свою историю, открывать для себя всю самобытность нашей необъятной Родины. Вот почему развитие туризма в провинции сегодня становится одной из важнейших задач современного общества. Всему культурному сообществу необходимо объединиться. Осознаем это и сделаем все, чтобы новые поколения горожан развивали свою малую родину и гордилась ею.

Великое в Малом!

В.А. Кобзарь,
директор ТИЦ «Боровский край»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Отечества ревнитель</i>	7
ИЗ БОРОВСКИХ БЫЛЕЙ	13
БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА	99
<i>В. Кобзарь. Послесловие</i>	119

Литературно-художественное издание

Жуков
Дмитрий Анатольевич

Город за Красивым поворотом

Редактор
В.А. Кобзарь

Художник
В.А. Черников

Макет, верстка
В.А. Черников

Подписано в печать 28.10.2018.
Формат 70×84/16. Бумага мелованная, матовая.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

БОРОВСК

сердце мое

borovskinfo.ru

выпускается с 18 декабря 2011 г.

общественная газета городской культурной жизни, истории и туризма № 6 • 20 ноября 2015 г.

ДОСТОЯНИЕ

ISBN 978-5-8493-0419-9

9 785849 304199